This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

и

ЕГО СПОДВИЖНИКИ.

(Матеріалы для характеристики провинціальныхъ газетъ)

С. М. Краева.

ОДЕССА
Тип. Л. Нитче, Полицейская, № 30.
1881.

Дозволено цензурою. Одесса, 28 Октября 1881.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

и

ЕГО СПОДВИЖНИКИ.

(Матеріалы для характеристики провинціальныхъ газетъ).

I.

Года два тому назадъ, одинъ изъ солидныхъ нашихъ толстыхъ журналовъ („Слово“ 1879 г.) сдѣлалъ было попытку выяснить выдающіяся, характеристическія черты нашихъ ежедневныхъ органовъ печати.

Двѣ первыя статьи въ двухъ книжкахъ были посвящены двумъ наиболѣе распространеннымъ газетамъ: „Голосу“ и „Новому Времени“ и на этомъ рядъ обѣщанныхъ редакціей статей — оборвался.

Причины, почему редакція почтеннаго журнала не пошла дальше, до конца своей задачи, и ограничилась только двумя названными газетами — неизвѣстны, а между тѣмъ задача эта, по моему глубокому убѣжденію, весьма серьезна и въ высшей степени почтенна; ибо газета, какъ органъ, отражающій экономическую, политическую и соціальную жизнь общества, играетъ въ ежедневномъ нашемъ обиходѣ весьма важную роль. Затѣмъ, задачу эту, по моему, *долженъ* и *обязанъ* взять на себя только журналъ, и при томъ именно тотъ, который пользуется наибольшей авторитетностью и наибольшей популярностью.

Я настаиваю на этомъ *долгѣ* и *обязанности* всякаго авторитетнаго журнала и объясню сейчасъ, почему я такъ думаю.

320256

Наши ежедневныя газеты дѣлятся на два лагеря: на такъ называемый либеральный и консервативный, или «національный», какъ называетъ сама себя извѣстная часть нашихъ газетъ. Оба эти лагеря ведутъ между собою ожесточенную борьбу часто изъ-за пустяковъ, изъ-за какой нибудь фразы, но въ большинствѣ случаевъ изъ-за принциповъ и взглядовъ, такъ что въ общемъ, борьба эта все таки представляется идейной.

Но подъ шумокъ этого газетнаго боя народился совсѣмъ особый типъ ежедневной газеты, преимущественно въ провинціи. Эти органы печати не имѣютъ ни знамени, ни лагеря; они считаютъ себя совершенно свободными отъ всякихъ принциповъ, опредѣленно выработанныхъ взглядовъ, убѣжденій, идеаловъ и даже отъ здраваго смысла и логики.

Такіе органы печати, при той могущественной силѣ, какую имѣетъ печатное слово, вносятъ, несомнѣнно, деморализующее начало въ нашу ежедневную жизнь, и чѣмъ больше они распространены, чѣмъ меньше они встрѣчаютъ препятствій и отпора на своемъ пути, тѣмъ пагубнѣе ихъ вліяніе. Деморализація и вредъ, вносимые ими въ массу, обусловливаются тѣми отношеніями, которыя установились между читающей публикой и газетой. Извѣстная часть нашей публики, такъ называемая интеллигенція, читаетъ ежедневно газеты «между дѣломъ», такъ сказать, *пробѣгаетъ* ихъ; поэтому, какая-бы пакость ни появилась *сегодня* въ газетѣ, какъ-бы глубоко ни возмущала она интеллигентнаго читателя, но это негодованіе — минутное, *завтра* онъ уже забылъ все...

За то толпа, масса, привыкшая смотрѣть на все то, что напечатано въ газетѣ, какъ на критеріумъ истины, недопускающей возраженій, не такъ забывчива. Тутъ, стало быть, пакость оставляетъ свои глубокіе слѣды.

Очевидно, что съ такими органами печати необходимо бороться. Орудіемъ борьбы должно быть то-же печатное слово, а борцами, повидимому, должны-бы явиться такіе-же ежедневные органы печати. Но это только *повидимому*. На самомъ-же дѣлѣ ежедневныя газеты совершенно без-

сильны въ этихъ случаяхъ, и вотъ почему: *во-первыхъ*, немногія изъ нихъ пользуются такимъ авторитетомъ въ глазахъ читателей, какимъ пользуется журналъ. *Во-вторыхъ*, тѣ изъ газетъ, которыя и пользуются хоть кое-какою авторитетностью, стараются, на сколько это возможно, избѣгнуть столкновенія съ газетами, такъ наз. «*веселаго* и *откровеннаго направленія*», потому что, вслѣдъ за столкновеніемъ, является самая грязная, площадная брань и самая наглая клевета; при чемъ лаятели и клеветники стараются увѣрить читателей, что столкновеніе только замаскировано принципомъ, въ сущности-же, это ни что иное, какъ *зависть* и *конкурренція на розничную продажу*. Клевета, несомнѣнно, достигаетъ своей цѣли, потому что, по свойству нашей натуры, мы охотнѣе вѣримъ *клеветѣ*, чѣмъ *правдѣ*. Но допустите на минуту, что наше общество уже выросло и стоитъ выше всякой глупой лжи, тогда является слѣдующій весьма опасный прицендентъ: клевета связываетъ руки всякому честному публицисту, ибо въ такія минуты призракъ клеветы никогда его не покидаетъ; онъ твердо, вѣдь, помнитъ глубокій смыслъ старой поговорки «*calomniez, calomniez toujours, il en restera quelque chose*».

Вотъ почему я утверждаю, что бороться съ этимъ уродливымъ и, несомнѣнно, вреднымъ явленіемъ, какимъ представляются описанныя мною выше газеты, *должны* и *обязаны* только журналы, и притомъ наиболѣе авторитетные и наиболѣе популярные. Почему они до сихъ поръ не выполнили своего долга — это ихъ дѣло.

Принимаясь за свои наброски, долженствующіе потомъ служить матеріаломъ для характеристики провинціальной печати, я начинаю съ «Новороссійскаго Телеграфа», потому что другія газеты, придерживаясь послѣдовательно извѣстнаго направленія, даютъ меньше крупныхъ характеристическихъ чертъ и рѣзкостей, бьющихъ въ глаза, тогда какъ «Новороссійскій Телеграфъ» уже выработалъ свои особенныя традиціи, свой особенный жаргонъ, свои пріемы для извѣстныхъ случаевъ, и до такой степени однообразные, что читатель этой газеты можетъ смѣло и напередъ угадать, что если рѣчь идетъ о лицѣ ненавистномъ лично редактору-издателю, то пощады не будетъ не только

этому лицу, но и его семьѣ, его роднымъ и даже друзьямъ, при чемъ читатель знаетъ напередъ, что статья, касающаяся личнаго врага, будетъ имѣть самое задористое и при томъ самое веселое заглавіе. Читатель знаетъ напередъ, что ежели рѣчь идетъ, напр., о розничной продажѣ какой нибудь газеты, у которой временно отнято это право, то замѣтка объ этомъ будетъ непремѣнно озаглавлена: «*Вниманію полиціи*» и т. д. «Новороссійскій Телеграфъ также создалъ свой особенный типъ литераторовъ. Словомъ, «газета эта», съ ея главою и сподвижниками, съ ея характеристическими особенностями, представляетъ собою именно тотъ типъ газеты безъ знамени, безъ принциповъ, безъ идеаловъ, безъ направленія, или, вѣрнѣе, *веселаго направленія*, о которомъ я говорилъ выше.

II.

Признаюсь, я немного смущенъ. Въ печати, какъ и въ жизни, когда кто хочетъ говорить о чемъ нибудь двусмысленномъ или явно скабрезномъ, то принято предварительно попросить извиненія у читателя или у собесѣдника (у собесѣдницы тѣмъ болѣе).

Я, какъ уже сказано выше, посвящаю настоящій мой первый очеркъ одному «Новороссійскому Телеграфу» и его сподвижникамъ. Болѣе двусмысленнаго, болѣе скабрезнаго сюжета для литературной бесѣды я не знаю, и все таки не считаю себя обязаннымъ извиняться передъ читателемъ по причинамъ, по моему, весьма резоннымъ.

Во-первыхъ, я не совсѣмъ вѣрю въ брезгливость читателя, которой онъ такъ любитъ щеголять при постороннихъ. Наблюдая въ теченіи многихъ лѣтъ нашу, такъ наз., читающую публику, я убѣдился, что:

а) хотя многіе и увѣряютъ всѣхъ и каждаго, что «эта газета» противнѣе для нихъ рвотнаго порошка;

б) хотя многіе и стараются скрыть отъ постороннихъ, что они выписываютъ, покупаютъ и читаютъ «эту газету»;

в) хотя многіе и прячутъ ее отъ дѣтей и избѣгаютъ въ обществѣ дамъ вести разговоръ о вычитанныхъ въ ней прелестяхъ;

г) хотя многіе, при одномъ упоминаніи о тенденціяхъ «этой газеты», и стараются сдѣлать особенно кислую гримасу, долженствующую выразить степень ихъ отвращенія къ этимъ тенденціямъ но...

Втихомолку всѣ эти господа, притворно брезгливые, бѣгутъ въ первую попавшуюся лавочку и, минуя всѣ другія газеты, требуютъ себѣ непремѣнно на *семь* коп. озмидовщины....

Если-же еще обрѣтенная порція оказывается съ достаточной дозой сальностей, клеветы, скандала и т. п. приправами, во вкусѣ ея кухни, отъ которыхъ зачастую и потребителя изъ почтенной корпораціи биндюжниковъ, стошнило-бы, то тогда наша «интеллигентная публика» зачитывается до отвалу, до круженія головы....

Я убѣдился цѣлымъ рядомъ фактовъ, что для иного одесскаго интеллигента озмидовщина тоже, что для упитаннаго французскаго буржуа M-lle Нана, съ тою только разницею, что французъ смакуетъ г-жу Нана послѣ сытнаго обѣда, какъ десертъ, совершенно не стѣсняясь и не скрываясь отъ жены, дѣтей, родныхъ и знакомыхъ, а одесситъ прячется съ озмидовщиной отъ всѣхъ, прячется, захлебывается *втихомолку*, а при постороннихъ корчитъ гримасу, негодуетъ и отплевывается.

Эту тайну хорошо постигъ издатель. Онъ прямо и открыто объ этомъ заявилъ, къ величайшему стыду своихъ потребителей, что у него ихъ цѣлыхъ 6 тыс. и что это «служитъ для него термометромъ, на сколько публика сочувствуетъ его органу». (№ 1899).

Онъ не объявилъ именъ своихъ «доброжелателей», какъ онъ назвалъ своихъ потребителей, а это очень жаль.

Во-вторыхъ, я вѣдь предлагаю мои бесѣды въ отдѣльномъ очеркѣ, а не въ газетѣ, гдѣ читатель еще имѣетъ

хоть кажущееся право претендовать, что, вотъ-де, на его-же деньги угощаютъ его «полемикой съ Озмидовымъ». Фраза эта сдѣлалась стереотипной, благодаря тому, что этотъ рыцарь безъ страха, но не безъ упрековъ, успѣлъ увѣрить наивныхъ людей, что всѣ, кто *не за него — противъ него*. Это очень ловкая продѣлка, выпутаться изъ которой очень трудно всякому газетному дѣятелю, который желаетъ сорвать маску съ лицемѣрія.

И такъ, предлагая отдѣльный очеркъ, я этимъ самымъ не нарушаю ни чьихъ интересовъ. Тутъ, стало быть, «вольному воля». Хочешь читай, а не хочешь — не нужно...

Вотъ причины, по которымъ я считаю себя свободнымъ отъ обряда извиненія передъ читателемъ.

Затѣмъ, я считаю необходимымъ подробно коснуться причинъ, побудившихъ меня посвятить весь настоящій очеркъ одному «Новороссійскому Телеграфу». Это необходимо, ибо каждый изъ читателей, неудовлетворившійся общими положеніями, выставленными мною въ первой главѣ, вправѣ спросить: неужели на самомъ дѣлѣ хозяинъ «этой газеты» такая ужъ важная птица, что ему нужно цѣлые очерки посвящать?

Замѣчаніе это, несомнѣнно, у каждаго изъ читателей на языкѣ, да и самъ я на его мѣстѣ сдѣлалъ-бы такое-же замѣчаніе; почему и объясненіе болѣе подробное по этому вопросу будетъ совершенно умѣстнымъ.

Видите-ли, самъ по себѣ хозяинъ «Новорос. Тел.», какъ я уже много разъ доказывалъ, птица, пожалуй, и не важная. Но онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи типографію, монопольное право ежедневно вести публично бесѣду съ толпой, не стѣсняясь ни формой рѣчи, ни выраженіями, ни предметомъ бесѣды, толпу наемныхъ прислужниковъ, готовыхъ наброситься на всякаго честнаго человѣка по первому крику хозяина: «ату его!»

При всѣхъ этихъ условіяхъ, онъ птица не птица, а коршунъ во всякомъ случаѣ, въ когтяхъ котораго всѣ исчисленныя выше орудія такъ-же опасны, какъ и ружье, лукъ и стрѣлы въ рукахъ краснокожаго.

Вотъ съ этой-то точки зрѣнія, не онъ лично, нѣтъ, а органъ, служащій выраженіемъ его личныхъ страстей, его личныхъ міровоззрѣній, органъ, посредствомъ котораго онъ проводитъ эти свои міровоззрѣнія въ общество, представляетъ собою самый глубокій интересъ и заслуживаетъ самаго строгаго анализа.

Поднимаемъ-же мы шумъ и гвалтъ изъ-за злоупотребленій какого нибудь урядника или изъ-за подвиговъ Юханцева. А вѣдь урядникъ и Юханцевъ зло единичное — частное. Юханцевъ могъ произвести временную панику на биржѣ, пустить по міру нѣсколько десятковъ комерсантовъ и вкладчиковъ, а тутъ....

Тутъ ежедневно и систематически человѣкъ вноситъ въ общественную среду свою личную, чисто примитивную психію.

Тутъ ежедневно и систематически вносятъ въ неопытные и довѣрчивые умы массу фальши, лжи, лицемѣрія и разврата.

Тутъ ежедневно и систематически стараются деморализировать всякое честное и здравое понятіе.

Тутъ ежедневно и систематически уродуютъ всякій правильный и здравый взглядъ на тѣ или другіе вопросы обыденной жизни.

Тутъ ежедневно, систематически и умышленно стараются будить животные инстинкты массъ, льстятъ и потворствуютъ всячески грубому эгоизму толпы.:..

Такіе органы, съ такими могучими орудіями въ рукахъ, которыя я исчислилъ выше, дѣйствуютъ такимъ-же развращающимъ образомъ на массу, какъ и любой Альказаръ; но они во сто кратъ опаснѣе, потому что на дверяхъ Альказара, кромѣ краснаго фонаря, да портрета дѣвицы Валлери въ вызывающей позѣ и съ поднятыми газовыми юбочками, — ничего другаго нѣтъ.

Тогда какъ на фронтонѣ газетнаго Альказара наглая рука выбросила знамя и на немъ, съ замѣчательнымъ безстыдствомъ, начертала надпись: «во имя общественнаго блага!» А подъ прикрытіемъ этого знамени и надписи творятъ мерзость.

Опасность для общества тутъ тѣмъ болѣе велика, что, вѣдь, оно рѣшительно не знаетъ, — кто такіе эти знаменоносцы.

Положимъ, что въ нашемъ обществѣ много негодяевъ, хищниковъ и плутовъ, толпящихся подъ знаменемъ общественныхъ идеаловъ. Но всѣ эти герои остаются подъ знаменемъ лишь до знакомства съ прокурорскимъ надзоромъ, до тѣхъ поръ, пока ихъ преступныя дѣянія не обнаружены.

Возможно-ли, мыслимо-ли, напр., въ какомъ нибудь собраніи, въ земскомъ-ли, въ городскомъ, въ правительственномъ или частномъ, хотя-бы въ клубѣ, чтобы Ляндау, Полянскій или Шейнсъ овладѣвали ораторской ареной?

Во-первыхъ, этихъ господъ никто не избралъ-бы, стало быть не пустилъ-бы въ собраніе, а еслибы кто нибудь изъ нихъ какимъ нибудь способомъ и забрался на возвышеніе, то его оттуда столкнули-бы, или, въ крайнемъ случаѣ, слушать-бы не стали, или-же усумнились-бы въ его искренности.

Не то въ газетѣ. На газетную каѳедру взбирается завѣдомый воръ, воръ профессіональный, воровство котораго констатировано судомъ присяжныхъ, какъ и воровство Полянскаго, Ляндау и Шейнса. Онъ, признанный виновнымъ, онъ, отбывшій свое наказаніе, у него на лбу клеймо позора и разврата... Двери всѣхъ собраній, до клубовъ второй руки включительно, закрываются при приближеніи его! Его гонятъ изъ всякаго мало-мальски порядочнаго общества. Его бьютъ публично, какъ наглеца и негодяя! Ему нигдѣ не позволяютъ рта разинуть, никто съ нимъ говорить не хочетъ, ему нѣтъ мѣста между порядочными людьми!...

Но за то ему есть мѣсто въ газетѣ, въ которой все расчитано на скандалъ! За то съ газетной каѳедры онъ, не смущаясь и съ пафосомъ, возстаетъ противъ воровства и выдаетъ себя за охранителя основъ. Въ другомъ мѣстѣ, не на газетной каѳедрѣ, онъ-бы не посмѣлъ и заикнуться о какихъ-бы то ни было принципахъ и основахъ, ибо толпа не преминула-бы ему крикнуть: «Какъ! Ты,— воръ, го

воришь о собственности? Ты,— прелюбодѣй, говоришь о святости семьи? Ты,— богохульникъ, смѣешь разсуждать о религіи?...»

Попробуйте-же то же самое сдѣлать съ нимъ въ газетѣ! Попробуйте стащить его съ газетной каѳедры! Невозможно! Невозможно потому, во-первыхъ, что онъ очень юрокъ, и какъ гадина скользитъ и извивается, а во-вторыхъ, онъ изумительно нахаленъ....

Забираясь непрошенный въ общество, — онъ съ замѣчательною развязностью врывается въ разговоръ и нагло суетъ вамъ свою грязную руку, зная отлично, что вамъ извѣстно, что онъ именно тотъ самый Ванька Каинъ, который въ такомъ-то году судился за кражу денегъ у своего хозяина.

Все это онъ отлично сознаетъ и все таки беззастѣнчиво суетъ вамъ свои пальцы, чортъ знаетъ въ чемъ перепачканные и, ничуть не конфузится, ибо онъ л-и-т-е-р-р-р-а-т-о-р-ъ....

Я, однако же, предвижу со стороны читателя еще одно замѣчаніе. Онъ можетъ мнѣ сказать, что всѣ подобные герои — сущее ничтожество въ сравненіи съ столичными «молодцами Сѣнной площади», какъ назвалъ сатирикъ различныхъ публицистовъ «Красы Демидрона» и т. п. органовъ. Это совершенно вѣрно.

Я, вѣдь, раньше много разъ и въ разное время высказывалъ тоже самое, я утверждалъ, что всѣ эти, убогіе умомъ, людишки, жалкая каррикатура въ сравненіи съ настоящими рыцарями. У нихъ, какъ я уже замѣтилъ выше, нѣтъ ни принциповъ, ни идеаловъ, ни знанія. Возьмите каждаго изъ нихъ, да поскоблите, и вы доберетесь до настоящаго кретина.... Вы увидите, что онъ не ретроградъ, не консерваторъ, не реакціонеръ, словомъ, ничто. Но возвратимся «Нов. Телегр.».

Онъ по временамъ хотя и прячется за спины Каткова, Аксакова, Гилярова-Платонова, Комарева и др., но это онъ дѣлаетъ, *во-первыхъ*, по великой своей трусости, онъ зачастую боится самостоятельно высказаться, чтобы кого нибудь не

раздразнить; *во-вторыхъ*, пользоваться чужимъ трудомъ очень удобно, чѣмъ и объясняются тѣ грандіозныя въ 5 — 8 столбцовъ перепечатки, которыхъ вы не встрѣтите ни въ одной другой газетѣ; *въ-третьихъ*, потому, опять таки, что у самаго ни въ головѣ, ни въ душѣ, ни за душой — ровно ничего нѣтъ, и *въ-четвертыхъ*, за спины названныхъ господъ очень выгодно прятаться потому, что всѣ они нынче въ большомъ авантажѣ...

Но упади завтра кредитъ ихъ хоть на нѣсколько процентовъ и «Новорос. Телегр.» отречется отъ нихъ, какъ онъ въ прошломъ году, въ эпоху «новыхъ вѣяній», трижды отрекся отъ Цитовича и Незлобина, у которыхъ въ 1879 году пятки лизалъ.

Да не только отречется, но постигни этихъ столичныхъ патроновъ какое нибудь несчастье, такъ онъ, какъ предатель, броситъ въ нихъ первый камень. Поэтому я настаиваю на положеніи, высказанномъ мною въ началѣ, что «Нов. Телегр.» и его дѣятели стоятъ совершеннымъ особнякомъ. Повторяю, ихъ никоимъ образомъ невозможно сопричислить къ сонмищу тѣхъ «литературныхъ клоповниковъ», у которыхъ, по мнѣнію сатирика, хотя и «хлѣвные идеалы, а все-же идеалы», которымъ они никогда не измѣнятъ. Затвердили они, напр., что нѣтъ солнца, кромѣ солнца, сіяющаго изъ городской будки и ужъ они ни за что другаго свѣта не признаютъ. Одесскій-же литературный клоповникъ, совсѣмъ особаго рода клоповникъ.

Посѣвая смуту, онъ едва-ли даже предусматриваетъ, сколько жертвъ онъ увлекаетъ за собою. У него нѣтъ соотвѣтствующаго органа, чтобы понять это. Онъ знаетъ только одно: что лично онъ непремѣнно вывернется. Сегодня онъ, съ упрямствомъ дикаря, сѣетъ смуту, а завтра, ежели эта смута пріиметъ для него лично безпокойные размѣры, онъ совершенно хладнокровно будетъ кричать: «пали!...»

Слова эти принадлежатъ Щедрину, но, скажите ради Бога, развѣ это не художественная характеристика «Новороссійск. Тел.»? Да вотъ фактъ на лицо. Кто не помнитъ, какъ онъ цѣлый годъ сѣялъ смуту по еврейскому

вопросу? Кто не помнитъ, какъ онъ облекалъ эту смуту въ «кару Божью» въ «справедливую месть народную»... А потомъ, когда смута приняла для него лично безпокойный характеръ, онъ совершенно спокойно и даже съ какимъ-то отвратительнымъ торжествомъ закричалъ: «пали!»

Но пожалуй читатель не обратилъ вниманія на эти безобразные факты (несомнѣнно не обратилъ). Пожалуй самъ сѣятель смуты отрицать станетъ (несомнѣнно будетъ отрицать). Поэтому позвольте указать мимоходомъ на нумера газеты.

Въ 1887 № «Нов. Телегр.» за текущій годъ высказывается негодованіе противъ публицистовъ «либеральныхъ» газетъ за то, что они назвали анти-еврейскіе безпорядки въ такомъ видѣ, въ какомъ они проявились въ Елисаветградѣ, Кіевѣ и другихъ мѣстностяхъ — просто *разбоемъ* и *грабежемъ*, тогда какъ «по глубокому убѣжденію» публицистовъ «Нов. Телегр.» это не что иное, какъ «народная месть за многолѣтній гнетъ» (слова въ ковычкахъ принадлежатъ «Нов. Телегр.».

«Насиліе, говоритъ одинъ изъ публицистовъ названнаго органа, явилось не продуктомъ дикихъ страстей, а продуктомъ долгаго гнета, матеріальнаго насилія во всевозможныхъ видахъ со стороны подвергшейся мести среды, т. е. со стороны евреевъ». Далѣе, газета требуетъ, чтобы судъ отнесся къ зачинщикамъ съ точки зрѣнія «смягчающихъ вину обстоятельствъ», на томъ-же основаніи, т. е. потому, что это «народная месть за долголѣтній гнетъ», причемъ опять таки бросается жесткій укоръ тѣмъ-же «либераламъ», которые «когда судъ оправдываетъ убійцу, совершившаго преступленіе въ ненормальномъ состояніи,— то они ликуютъ, а тутъ не хотятъ возвыситься до причинъ». Въ теченіи цѣлаго года сѣялъ онъ смуту. Когда-же посѣвъ взошелъ, созрѣлъ и далъ плоды, онъ «возвысился, какъ видите, до причинъ!» Но вотъ дошла очередь и до Одессы. Смута, стало быть, приняла для него лично угрожающій характеръ.

Разумѣется, «возвышеніе до причинъ» пришлось бросить, какъ вещь не нужную, и вотъ какимъ языкомъ заговорили тѣ-же публицисты:

«Это просто сбродъ! (раньше это былъ народъ). И необходимо ко благу всего мирнаго трудящагося населенія Одессы *нанести рѣшительный ударъ бунтующей сволочи.* (Вотъ какъ! Раньше это вѣдь были угнетенные, мстящіе за свой «долголѣтній гнетъ») и не останавливаться передъ самыми крайними мѣрами. Стоитъ принести въ жертву нѣсколько бунтовщиковъ («пали!», значитъ), чтобы успокоить населеніе и избавить войска отъ тягостной дѣятельности, требующей положительно сверхъ человѣческихъ силъ» (1891 № „Нов. Телегр.", т. е. черезъ 4 дня). Конечно, начальство не приняло совѣтовъ публицистовъ озмидовскаго органа и не „палило", а ограничилось только выселеніемъ „бунтующей сволочи" на баржи,при чемъ сѣятели смуты остались въ сторонѣ, „вывернулись" отъ баржи; а жаль, слѣдовало-бы....

Кто-же послѣ этого осмѣлится поставить „Новороссійскій Телеграфъ" рядомъ съ органами гг. Каткова, Комарова, Гилярова-Платонова и др.? У тѣхъ, по крайней мѣрѣ, послѣдовательность, есть свое profession de foi, наконецъ, есть талантъ, знаніе есть, а тутъ ничего, кромѣ юркости, нахальства и интересовъ утробы....

Раньше выгодно, замѣтьте ради Бога, *выгодно* было сѣять смуту, потому что это нравилось многимъ, это щекотало грубые инстинкты трактирной интеллигенціи, это согласно было съ животными соображеніями жидовскихъ конкурентовъ; это, наконецъ, льстило лже-патріотизму дворянства изъ татаръ, которое именуетъ себя интеллигенціей и считаетъ себя призваннымъ защищать народные интересы лишь на томъ основаніи, что отцы, да и нѣкоторые и сами засѣкали на смерть тотъ-же народъ.

Кто-бы ни пострадалъ, а всетаки для издателя „веселой газеты" въ итогѣ обильная подписка, а главное, бойкая ровничная продажа. Чего-же больше?...

Зачѣмъ тутъ послѣдовательность, принципы какіе-то, идеалы, талантъ, знаніе и т. п. „пустяковина" (выраженіе, взятое изъ „передовой" „Нов. Тел."). когда и безо всего этого можно прожить припѣваючи. Нынче вальготно сѣять смуту — сѣй! Завтра жутко станетъ — кричи: „я — не

я! Пали!" Все равно публика не разберетъ. „Вѣдь она, эта безмозглая публика, забыла, что это тотъ самый юркій малый кричитъ „пали!", который всего три дня тому назадъ кричалъ въ газетѣ толпѣ: „бей, ребята, жидовъ, потому они нашу христіанскую кровь сосутъ! Только бей не дубьемъ, а рублемъ!..."

Сегодня онъ спекулируетъ на либерализмъ, ежели на таковой есть спросъ и хорошія цѣны, а завтра, какъ только принципы либеральные взяты подъ сомнѣніе, цѣны упали, онъ швыряетъ ихъ за бортъ; мало того, топчетъ ихъ въ грязь, оплевываетъ всячески и принимается за торговлю консерватизмомъ, ретоградными или реакціонными тенденціями, смотря по тому, что требуется....

Сегодня онъ юдофилъ, потому что евреи обѣщали хорошій кушъ *), да еще потому, что юдофильство, въ смыслѣ равенства, входитъ въ либеральную программу, а завтра онъ плюетъ на программу и на евреевъ, и опять таки не по убѣжденію, а потому, что жидъ укусилъ, потому, что противники идеи равенства взяли перевѣсъ, они сила, а стало быть и спросъ; они дадутъ торговать, да и сами евреи захотятъ знать, какъ ихъ бичуютъ, слѣдовательно и они станутъ покупать газету и читать, хотя съ проклятіемъ, а всетаки читать будутъ, а ежели читаютъ — значитъ подписка и розничная продажа хорошо пойдутъ. Вотъ мотивы, съ силу которыхъ „Нов. Телегр." мѣняетъ свое направленіе такъ-же быстро и безъ размышленій, какъ и любая дама полусвѣта мѣняетъ быстро и безъ размышленій своихъ любовниковъ. Кто больше даетъ на содержаніе — тотъ и пользуется...

Читатель вправѣ потребовать отъ меня доказательствъ, и я ихъ ему представлю; приведу рядъ самыхъ достовѣрныхъ и самыхъ неопровержимыхъ фактовъ и не въ назиданіе героямъ „Нов. Тел", нѣтъ! ихъ вѣдь ни чѣмъ не проймешь!... Сколько разъ я водилъ моихъ читателей въ

---

*) Живы и по нынѣ нѣкоторые вліятельные и интеллигентные одесскіе евреи, которые въ 1876 — 78 гг. принимали самое активное участіе въ распространеніи «Новор. Телегр.».

Авт.

эту область фактовъ и каждый разъ, когда я выносилъ оттуда длинные списки доказательствъ, каждый разъ, когда я тащилъ этихъ господъ къ позорному столбу, отдавалъ ихъ позорныя дѣянія на судъ общественной совѣсти, они ничуть не конфузились, никогда не старались оправдаться, а всегда съ неслыханнымъ нахальствомъ только ухмылялись, „кивали на Петра“ и старались всегда замазать, забросать грязью всѣ пункты доказательствъ, въ надеждѣ помѣшать суду общественной совѣсти произнести свой приговоръ.... Такіе пріемы, такой способъ опровергать факты меня никогда не поражали, ибо я зналъ съ кѣмъ имѣю дѣло.

Прошу читателя припомнить, какъ я каждый разъ предсказывалъ напередъ, что отвѣтъ будетъ именно такой, а не другой. Я даже выраженія предсказывалъ, я и теперь предсказываю. Вотъ почему я не имѣю никакого поползновенія смутить кого-бы то ни было изъ этихъ молодцовъ какими-бы то ни было фактами. Я не для нихъ пишу, я не съ ними говорю, а съ публикой, ее хочу я убѣдить....

Съумѣю-ли я это сдѣлать? удастся-ли мнѣ? — это другой вопросъ, но я хочу увѣрить, читателя, что я далекъ отъ всякой мысли личной мести кому-бы то ни было, ибо лично мнѣ зла они никогда не причиняли.... Они, правда, много разъ клеветали, лгали, инсинуировали, врывались даже въ мою семейную жизнь, но клянусь, всѣ эти продѣлки причиняли мнѣ непріятность только на минуту, ибо всегда я старался въ такихъ случаяхъ тотчасъ выводить ихъ „на чистую воду“. Въ данномъ случаѣ для меня важно одно — это показать всю несостоятельность, всю безпринципность и продажность органа, нагло присваивающаго себѣ званіе „руководящаго общественнымъ мнѣніемъ“. Для меня важно показать фальшь, ложь, лицемѣріе и своекорыстіе во всей ихъ красѣ, и подорвать ихъ кредитъ, которымъ онѣ пользуются, благодаря лишь неразборчивости, а больше всего забывчивости газетнаго читателя. Для меня важно сорвать упомянутую выше надпись со знамени и вывернуть само знамя лицевой стороной къ публикѣ, дабы она убѣдилась, что на немъ должно быть начерчено нѣчто другое, болѣе подходящее.

Если мнѣ это удастся хоть на половину, то я сочту себя вполнѣ удовлетвореннымъ. На удачу я разсчитываю, ибо еслибы всѣ и все было пропитано тенденціями „Нов. Телегр.“, то мой трудъ былъ-бы совершенно напрасенъ, мнѣ невозможно было-бы писать; еслибы, наоборотъ, всѣ и все въ силахъ были безъ моей помощи отвернуться отъ этихъ тенденцій, мнѣ тогда не было-бы надобности писать. Но такъ какъ не всѣ еще пропитаны ими и такъ какъ не всѣ еще отвернулись отъ нихъ, то поэтому мнѣ *можно* и *нужно* писать. Можно, нужно и необходимо! Повторяю, что для меня совершенно безразлично, кто-бы ни стоялъ во главѣ „Нов. Тел.“: не въ личности суть, а въ томъ, *что* эта личность дѣлаетъ и говоритъ, и *какое вліяніе*, хорошее или растлѣвающее, имѣютъ дѣянія и слова личности на другихъ. Вотъ что для меня важно, и пусть они увѣряютъ глупыхъ и наивныхъ людей, что я кому-то и за что-то мщу! Пусть лгутъ, клевещутъ и инсинуируютъ! Пусть они „киваютъ на Петра“, какъ они всегда это дѣлаютъ! Пусть!... а у меня факты, у меня достовѣрные свидѣтели. И знаете-ли, кто мои свидѣтели? Нумера „Нов. Телегр.“. Я ихъ вызываю на судъ общественной совѣсти и пусть они сами о себѣ свидѣтельствуютъ, а тамъ ужъ посмотримъ....

III.

Драгоцѣнные это свидѣтели! Драгоцѣнные потому, что показанія ихъ правдивы, какъ сама истина! Долго я ихъ розыскивалъ. Цѣлый мѣсяцъ рылся я въ архивной пыли публичной библіотеки; розыскалъ, разспросилъ и они мнѣ все разсказали, безъ малѣйшей утайки. И, Боже мой, что это за разсказъ! Какъ превосходно онъ подтверждаетъ вышесказанныя мною положенія! Вотъ послушайте:

Собралъ я всѣхъ этихъ свидѣтелей, числомъ свыше тысячи, и спрашиваю: „Скажите мнѣ, почтенные листы, спекулировалъ-ли когда нибудь вашъ хозяинъ на либеральные принципы?“

Тутъ посыпалась такая масса утвердительныхъ отвѣтовъ, такая масса басовыхъ (передовыя статьи), теноровыхъ (кореспонденціи), дискантовыхъ (мелкія замѣтки) и чисто соловьиныхъ трелей (фельетоны): „да, да, да!.... спекулировалъ, торговалъ, продавалъ и мѣнялъ», что я просто не зналъ, какъ тутъ оріентироваться, не зналъ кого изъ нихъ выбрать и поставить передъ судомъ общественнаго мнѣнія, кому изъ нихъ отдать преимущество. Всѣ показанія такъ ясны, такъ очевидны, что хоть каждое изъ нихъ предъявляй суду.

Въ такомъ-то затруднительномъ, относительно выбора, положеніи, я обратился къ хронологическому порядку. Я взялъ первый листъ со вступительной редакціонной передовой. Читаю; масса обѣщаній, много надеждъ, много хорошихъ и честныхъ взглядовъ на жизнь, на общество и на различные соціальные вопросы. Переворачиваю листъ, смотрю подписи: „редакторъ Золотовъ", „издатель Озмидовъ".

— Точно-ли Озмидовъ только издатель? и что такое Золотовъ? спросилъ я.

— Пустяки, отвѣтили всѣ хоромъ. Г. Золотовъ фиктивное лицо. Вы это узнаете сейчасъ изъ заявленія трехъ сотрудниковъ.

Читаю дальше, нумеръ за нумеромъ, статьи и фельетоны дѣльные, и вдругъ.... на „чертовой дюжинѣ", т. е. на 13-мъ листѣ „стопъ машина!"

— Что случилось? спрашиваю я.

— Обратитесь къ такому-то нумеру „Од. Вѣст.", сказали мнѣ.

Обращаюсь и читаю на первой страницѣ слѣдующее:

Заявленіе отъ трехъ сотрудниковъ „Новорос. Телегр.".

«Публикѣ не безъизвѣстно объ участіи нижеподписавшихся въ «Нов. Телегр.». Какою-бы скромной рекомендаціей для какой-бы части публики не служили наши имена, все-же мы не желали-бы брать на себя отнынѣ отвѣтственности за направле-

ніе, характеръ и самое достоинство «Нов. Телегр.», съ которымъ у насъ съ 17 января (1875 года) нѣтъ ничего общаго.

Съ вѣрою въ будущее и въ великое значеніе провинціальной печати, примкнули мы къ «Нов. Телегр.»; съ грустью покидаемъ мы нынѣ это дѣло, сознавая, что быть можетъ повредили ему тѣмъ (слушайте, слушайте!), что помогли ввести публику въ заблужденіе на счетъ истиннаго характера новаго органа и такимъ образомъ дискредитировать всякую новую попытку. Просимъ у публики извиненія и считаемъ обязанностью своею довести до свѣдѣнія ея причины, побудившія насъ къ оставленію дорогаго для насъ дѣла.

Оградивъ свою самостоятельность прочными условіями, мы надѣялись дать публикѣ порядочную газету, а издателю успѣхъ. Но издатель, очевидно, не столько разсчитывалъ на отдаленные доходы, сколько на ближайшія, немедленныя выгоды.

Предоставивъ въ наше распоряженіе: Европу, Америку, Азію, словомъ, всю вселенную до нашего отечества включительно, онъ оставилъ для себя одесскую думу и одесскую биржу. Сразу мы начали замѣчать, что въ этихъ столбцахъ проскальзываетъ нѣчто, не вполнѣ соотвѣтствующее переднимъ столбцамъ (слушайте, Бога ради!): поддержка спекуляціи, пропаганда спекулятивныхъ бумагъ, защита кулачества, нападки на бывшихъ конкурентовъ-подрядчиковъ по постройкѣ театра и т. д.

Наконецъ мы рѣшились откровенно объяснить издателю, что при этихъ условіяхъ газета, какъ литературное предпріятіе, не можетъ существовать и рано или поздно должна пасть, и что мы, какъ вкладчики трудомъ, не желаемъ компрометировать себя задними столбцами.

Письмо заканчивается слѣдующимъ заявленіемъ гг. сотрудниковъ:

«Такъ какъ нашему перу принадлежитъ все, что опредѣляетъ направленіе «Новорос. Телегр.», то надѣемся, редакція объяснитъ публикѣ свои теперешніе взгляды, мнѣнія и отношенія къ даннымъ нами обѣщаніямъ. Считаемъ нужнымъ заявить, что г. Озмидовъ отказалъ намъ заявить на столбцахъ его газеты о нашемъ выходѣ изъ состава редакціи. Съ 12 № мы не принимали въ немъ никакого участія.

Слѣдуютъ подписи.

И такъ, вотъ начало общественной дѣятельности Озмидова и его органа. Честные люди! Они были на столько проницательны, что въ какихъ нибудь 17 дней раскусили всѣ сокровенныя тайны новаго направленія „Нов. Тел.“. „Защита кулачества, нападки на своихъ конкурентовъ— подрядчиковъ по постройкѣ театра“! Какая вѣрная характеристика и въ 17 дней!...

Какое поразительное пророчество! „Газета, какъ литературное предпріятіе, при такихъ условіяхъ, не можетъ существовать и рано или поздно должна пасть“, говорили эти труженики 6 лѣтъ тому назадъ, и угадали!...

Газета, какъ литературное предпріятіе, въ концѣ концовъ пала, пала безповоротно; но за то, какъ предпріятіе коммерческое, при томъ самаго дурнаго свойства, гдѣ торгуютъ всѣмъ, какъ торгуютъ, сомнительной репутаціи, спекулянты дутыми бумагами на биржѣ,—она поднялась, возродилась, процвѣтаетъ и будетъ процвѣтать до тѣхъ поръ, пока свѣтъ не разсѣетъ тьму.

Озмидовъ, разумѣется, отвѣтилъ на это письмо бранью, обозвалъ своихъ бывшихъ сотрудниковъ „глупыми мечтателями“, и былъ, въ этомъ случаѣ, совершенно правъ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, они были очень наивны, предъявляя къ нему тѣ требованія, которыя къ нему такъ-же идутъ, какъ коровѣ сѣдло. Но, отвѣчая, онъ ни единымъ словомъ не обмолвился на счетъ выставленныхъ ими фактовъ о его тенденціяхъ. Газета продолжала преслѣдовать личныя цѣли издателя; но такъ какъ, въ то время свѣтлыхъ надеждъ и лучшихъ начинаній, прихвостничество и служеніе на заднихъ лапкахъ были не въ авантажѣ, то Озмидовъ вскорѣ сталъ убѣждаться, что пророчество его сотрудниковъ, пожалуй, и сбудется. Поэтому онъ рѣшилъ круто повернуть назадъ. Нашлись еще наивные люди, повѣрившіе ему на слово, и газета опять поднялась. Но не долго это продолжалось. Времена измѣнились. На рынкѣ жизни появился спросъ на особаго рода литературу и литераторовъ. Мало по малу, Озмидовъ сталъ накладывать свою руку на разные отдѣлы газеты. Все, что было честнаго, разумнаго и мыслящаго, покинуло редакцію. Одинъ за другимъ стали вы-

ходить изъ редакціи, лучшіе тогда въ провинціи, литературныя силы. Кликнулъ онъ кличъ и сбѣжались на его зовъ всѣ обитатели „Сѣнной площади“ и зацвѣла газета пышнымъ цвѣтомъ, отъ букета котораго свѣжаго, здороваго человѣка тошнитъ, бросаетъ въ жаръ и холодъ.

Вотъ вкратцѣ исторія „Новороссійскаго Телеграфа“, по протоколамъ, самимъ имъ записаннымъ, за семь лѣтъ.

Показанія, значащіяся въ этихъ протоколахъ, чрезвычайно интересны, и ими, вѣроятно, воспользуется будущій историкъ отечественной литературы. Еслибы подробно изложить здѣсь всѣ перепетіи, всѣ фазисы, чрезъ которые прошла эта газета, то пришлось-бы написать цѣлую книгу; но такъ какъ меня интересовалъ только вопросъ, какъ уже сказано выше, о томъ, торговалъ-ли „Нов. Телегр.“ печатнымъ словомъ и принципами, смотря по тому, что въ то или другое время требовалось на рынкѣ, или-же это „наглая ложь“, какъ привыкли заявлять, съ позволенія сказать, *публицисты* „этой газеты“, когда ихъ въ этомъ уличаютъ?

На вопросъ относительно торговли *либерализмомъ*, какъ помнитъ читатель, я получилъ единогласный, утвердительный отвѣтъ. Но такъ какъ мнѣ невозможно привести всѣхъ показаній, то я выбралъ два изъ нихъ, какъ наиболѣе характерныя и наиболѣе опредѣленныя.

Читатель помнитъ громкое дѣло Вѣры Засуличъ въ 1878 году. Помнитъ онъ также увлеченія тогдашней части общества и всей либеральной печати. Правильно-ли было это увлеченіе,—я здѣсь касаться не буду; я только напоминаю объ этомъ увлеченіи, да еще о томъ, что увлекавшіеся, можетъ быть, позже и раскаивались, но не предавались самооплевыванію.

„Нов. Телегр.“ тоже рукоплескалъ тогда вмѣстѣ съ другими; рукоплескалъ, разумѣется, не по увлеченію, а потому, что тогда это выгодно было. Но за то, спустя два года, онъ, съ замѣчательнымъ безстыдствомъ, сталъ плевать въ лицо своимъ тогдашнимъ единомышленникамъ и самому себѣ. Вотъ два взгляда, взаимно другъ друга исключающіе, которые тѣмъ, не менѣе, рисуютъ устойчивость этого орга-

на, подъ фактической редакціей одного и того-же Озмидова. Для большей убѣдительности, я ихъ ставлю параллельно.

944 № «Новорос. Телегр.» отъ 9 апрѣля 1878 г.

Прошлая недѣля ознаменовалась двумя оправдательными приговорами, которые несомнѣнно должны возгимѣть весьма важное нравственное значеніе. Мы говоримъ о приговорахъ, состоявшихся по дѣлу Засуличъ въ петербургскомъ окружномъ судѣ и по дѣлу штунды въ окружномъ одесскомъ судѣ. Оправдательный приговоръ по дѣлу г-жи Засуличъ на столько краснорѣчиво говоритъ самъ за себя, затрогиваетъ такія щекотливыя чувства каждаго изъ насъ, что говорить о немъ подробно мы не станемъ. Мы только хотѣли обратить вниманіе читателя на слѣдующія обстоятельства, которыя, при сопоставленіи, даютъ настоящую окраску этому дѣлу. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что тѣ внѣшнія, формальныя условія, при которыхъ г-жа Засуличъ явилась на судъ общественной совѣсти, были неблагопріятны для подсудимой. Фактъ преступленія не подлежалъ сомнѣнію и не былъ отрицаемъ самою подсудимою. Затѣмъ, въ личномъ составѣ присяжныхъ засѣдателей преобладалъ чинов-

1853 № «Новорос. Телегр.» отъ 28 марта 1881 года.

Полемизируя съ одной столичной газетой по поводу прогрессивныхъ принциповъ, которые эта газета защищаетъ, органъ Озмидова вопрошаетъ:

Скажите по совѣсти, на сколько было осмысленно торжество по поводу оправданія Вѣры Засуличъ? Въ этомъ торжествѣ, несомнѣнно, было поползновеніе къ прогрессу; но, согласитесь, что общество и направлявшая его пресса въ этомъ случаѣ задались совершенно посторонними цѣлями; они погнались за воробьемъ и упустили изъ виду орла. Кому неизвѣстно было, не только въ столицахъ, но и въ провинціи, что Засуличъ соціалистка; кто не сознавалъ, что выстрѣлъ ея есть начало новаго движенія соціалистовъ въ направленіи къ террору; а между тѣмъ, все это, намѣренно или не намѣренно, игнорировали. Выстрѣлъ Засуличъ принятъ былъ и не-соціалистами какъ одобреніе обществомъ насилія противъ слугъ правительства, и эта увѣренность породила, можетъ быть, вдесятеро больше

ничій элементъ (изъ двѣнадцати присяжныхъ,—девять чиновниковъ); кромѣ того, между присяжными замѣшался одинъ купецъ, одинъ дворянинъ и одинъ свободный художникъ. Очевидно, *изъ всѣхъ двѣнадцати человѣкъ присяжныхъ только одинъ свободный художникъ, какъ человѣкъ либеральной профессіи, могъ подать поводъ опасаться какой нибудь неожиданности. И все таки оправдательный приговоръ!* Но идемъ далѣе. Защитникъ подсудимой, присяжный повѣренный Александровъ, бывшій товарищъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, человѣкъ, котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрить, чтобы къ своей обязанности защитника, по столь щекотливому дѣлу, онъ отнесся не съ достаточною строгостью; чтобы онъ, стремясь во что-бы то ни стало вырвать оправдательный приговоръ, сталъ бить на дурныя страсти, взывать къ анти-общественнымъ инстинктамъ присяжныхъ. Ничего подобнаго не произошло, да и такой разумный и тактичный предсѣдатель, какъ А. Ф. Кони, никогда и не допустилъ-бы ничего подобнаго. Наконецъ, заключительное слово предсѣдателя должно-бы было направить присяжныхъ на путь справедливости и безпристрастія, если-

приверженцевъ соціализма, въ крайнихъ его проявленіяхъ, чѣмъ цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ, не говоря уже о тѣхъ, которыя были приняты, наприм., въ Харьковѣ, во время гр. Лорисъ-Меликова и кн. Дондукова. Корсакова. Стоитъ только припомнить, какъ носилась молодежь съ нумерами газетъ, прославлявшихъ присяжныхъ, судившихъ Засуличъ, и ея защитника, г. Александрова. Молодежь впечатлительна и не на столько еще подготовлена жизнію къ трезвымъ взглядамъ на юридическіе и политическіе вопросы, чтобы углубляться въ самую суть ихъ, и часть ея свихнулась подъ вліяніемъ торжественныхъ гимновъ. Ну, что-жъ, былъ-ли настоящій, здравый смыслъ въ этомъ мальчишескомъ поползновеніи къ прогрессу?

бы талантливая и страстная рѣчь защитника успѣла поколебать ихъ. Все это было продѣлано, и все-таки произнесенъ оправдательный приговоръ! *Мало того, публика, которая впускалась въ залъ засѣданія по билетамъ, т. е. избранная и надежная публика, отнеслась къ рѣчи защитника и къ оправдательному вердикту присяжныхъ восторженно: аплодисментамъ и крикамъ конца не было.* Очевидно, что причинъ оправданія г-жи Засуличъ слѣдуетъ искать въ личности подсудимой и въ мотивахъ преступленія.

Изъ біографіи, разсказанной г-жей Засуличъ на судѣ, разсказанной не кратко, но правдиво и искренно, видно, *что дѣвушка эта вполнѣ заслужила эпитетъ «многострадальной»*. Почти два года г-жа Засуличъ отсидѣла въ литовскомъ замкѣ. Не найдя противъ нея никакихъ уликъ, ее выпустили. Казалось бы, на этомъ дѣло и должно было окончиться. Не тутъ-то было: въ теченіи послѣдующихъ восьми лѣтъ г-жа Засуличъ находится подъ постояннымъ надзоромъ полиціи. *Способность оскорбляться за другихъ можетъ быть не каждому доступна и понятна; но вся предшествующая жизнь этой много выстрадавшей дѣвушки предрасположила ее къ особой*

чуткости къ оскорбленію, къ чуткости, дошедшей до болѣзненности. Г-жа Засуличъ объяснила на судѣ, что ее на преступленіе побудили безнаказанность и равнодушіе общества къ насилію, «надругательству», совершенному надъ беззащитнымъ человѣкомъ, содержавшимся въ домѣ предварительнаго заключенія. Мы полагаемъ, что г-жа Засуличъ нѣсколько ошибалась, дѣлая подобное предположеніе. Никто изъ лицъ, сочувствующихъ оправданію г-жи Засуличъ, не желалъ страданій и смерти петербургскаго градоначальника, *но ужъ, конечно, никто изъ нихъ не одобрялъ и не одобряетъ тѣхъ порядковъ, жертвой которыхъ сдѣлался самъ г. Треповъ.*

Полюбуйтесь-же, господа читатели и почитатели Озмидова, этой образцовой, можно сказать, подхалымовщиной и будьте увѣрены, что если спросъ на тенденціи, выраженныя въ статьѣ отъ 28 марта, упадетъ, то „Новор. Тел.“ повернетъ назадъ „безъ думъ, безъ размышленій и безъ борьбы роковой“, какъ поется въ „Гишпанскихъ мотивахъ Всеволода Крестовскаго“. Что это не вымыселъ съ моей стороны и что такой поворотъ для названной газеты „плевое дѣло“ (выраженіе взято изъ литературнаго лексикона публицистовъ „Нов. Телегр.“),—я сошлюсь на слѣдующій весьма знаменательный фактъ. Въ прошломъ году, въ дни „новыхъ вѣяній“, въ полемикѣ съ одною изъ мѣстныхъ газетъ, онъ прямо и категорически объяснилъ сотрудничество Цитовича и Незлобина въ „Новор. Телегр.“ 1879 годомъ. „Какая-же газета отказалась-бы въ 1879 г. отъ статей Цитовича“? вопрошаетъ онъ. Въ этихъ немногихъ словахъ—все, что доказать требовалось.

Я увѣренъ, что читатель съ большимъ любопытствомъ станетъ теперь слѣдить за „Нов, Телегр.“, ибо ему чрезвычайно интересно будетъ посмотрѣть, какъ это Озмидовъ станетъ вывертываться изъ такого глупаго положенія.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ужасное! Человѣкъ глумится надъ „леберали“; упрекаетъ ихъ въ томъ, что, благодаря ихъ „мальчишескимъ поползновеніямъ къ прогрессу“, общество „погналось за воробьемъ и упустило изъ виду орла“ (слогъ-то, слогъ каковъ!). Далѣе, онъ даже доноситъ нѣкоторымъ образомъ, что „молодежь-де носилась съ нумерами газетъ, прославлявшихъ присяжныхъ“ за ихъ приговоръ по дѣлу „крамольницы Засуличъ“, и вдругъ вытаскиваютъ изъ архива нумерокъ „Нов. Телегр.“ и показываютъ, что и самъ онъ, Озмидовъ, нынѣ въ патріотахъ обрѣтающійся, тоже ликовалъ и славословилъ присяжныхъ, и что ежели эта „глупая молодежь“, на самомъ дѣлѣ, „носилась съ нумерами газетъ“ и, читая таковыя, „свихнулась подъ вліяніемъ торжественныхъ гимновъ“, то она, молодежь т. е., имѣла достаточно основанія носиться, въ числѣ другихъ газетъ, и съ 944 № „Нов. Телегр.“; стало быть, въ увѣчіи молодежи и „Новор. Телегр.“ повиненъ; стало быть.... „сама себя раба божья бьетъ“, стало быть.... Ахъ, чортъ возьми! Вотъ положеньице-то!.... А интересно, что теперь скажетъ Озмидовъ? думаетъ читатель...

Но я могу поослабить немного любопытство читателя, ибо я знаю, что онъ скажетъ.

Однажды я было затронулъ этотъ самый вопросъ, и знаете-ли, что онъ отвѣчалъ?....

Отвѣтъ его самъ по себѣ болѣе интересенъ, чѣмъ смѣшное положеніе, въ которое я его теперь ставлю; поэтому я приведу его подробно. Дѣло было такъ: послѣ глумливой статьи въ „Нов. Телегр.“, я напомнилъ ему, что ежели „гимны либеральныхъ газетъ присяжнымъ, оправдавшимъ Засуличъ“, и изувѣчили многихъ, то въ этомъ частица вины есть и „Новор. Телегр.“. На другой день, послѣ этого моего напоминанія, „Новор. Телегр.“, съ обычнымъ ему пафосомъ, заявилъ: „это наглая ложь, свойственная такому-то (имя рекъ, да еще съ прибавкой различныхъ бо-

лѣе или менѣе обидныхъ эпитетовъ). Намъ ни кто не можетъ указать ни одного нумера» и т. д.

Коротко и ясно. Отвѣтъ былъ очень рѣшительный и довольно торжественный. Дѣлать было нечего; я отправился въ публичную библіотеку, отыскалъ 944 нумеръ и указалъ ему. Тогда онъ, видя такое свое безвыходное положеніе, сталъ ссылаться на.... на чтобы вы думали? Ни за что не отгадаете!

Во-первыхъ, онъ сослался на то, что тогда онъ не былъ юридически-отвѣтственнымъ редакторомъ (резонный отвѣтъ, не правда-ли? Ну а фактическимъ редакторомъ кто былъ? Кто осмѣлится сказать, что участіе редактора простиралось дальше полученія жалованья 1-го числа и росписки въ полученіи онаго?...

Во-вторыхъ, что тенденціи названной выше статьи принадлежатъ лично автору, составляютъ предметъ его убѣжденій, насиловать которыя не въ его, Озмидова, правилахъ. О, фальшь безмѣрная! О, ложь беззастѣнчивая! И это говоритъ человкѣъ публично, не краснѣя! Кто-же не знаетъ, что ни одна статья, ни одинъ фельетонъ, до мелкихъ замѣтокъ включительно, не могутъ попасть въ типографію, не отвѣдавъ озмидовскаго, и только его одного, неумѣлаго и безапелляціоннаго синяго карандаша? Кто-же не знаетъ, что этотъ неумѣлый карандашъ уродуетъ не только вещи, *самому* хозяину почему либо не по вкусу пришедшіяся, но и фразы и мысли ему не понятныя. Въ этихъ случаяхъ (а они были, на что у меня имѣются документальныя доказательства), онъ разсуждалъ какъ гоголевскій чиновникъ: „А чортъ его знаетъ, что такое „мове тонъ!“ Хорошо еще, если только подлецъ“.... И послѣ такихъ разсужденій, онъ всегда рѣшалъ, что лучше вычеркнуть и вычеркивалъ. Благодаря этой причинѣ, онъ и иностраннаго отдѣла не читаетъ. Кромѣ того, укажите мнѣ, Бога ради, хоть одну редакцію, которая отреклась-бы отъ статей, появляющихся въ газетѣ, хотя-бы подъ иниціалами, да еще статей, въ которыхъ авторъ говоритъ: „мы“, т. е. редакція, а не „я“, т. е. онъ, авторъ?

Въ-третьихъ, въ доказательство того, что самъ онъ не былъ солидаренъ съ тенденціями автора названной статьи

(вотъ путанница! Выше говорилось, что не будучи редакторомъ, онъ не могъ вліять на тенденціи статей), онъ ссылается на то, что въ „Новор. Телегр“ были статьи и перепечатки изъ газетъ, явно порицавшія дѣйствія Засуличъ. Тутъ ужъ не фальшь и не простая ложь, а какое-то, очень смѣлое и очень безсмысленное бахвальство, ибо ни одной статьи, ни одного слова порицанія поступка Засуличъ, ни послѣ ея преступленія, ни во время процесса, ни послѣ процесса, въ „Новор. Телегр.“ не было; а напротивъ, въ 942 нумерѣ, въ отдѣлѣ „Мнѣнія и отзывы“, перепечатана статья изъ „Бирж. Вѣд.“, въ которой авторъ, опровергая ложныя сообщенія „Нов. Вр.“ о событіи 31 марта, защищаетъ тѣ-же тенденціи. (Такъ-ли поступилъ-бы Озмидовъ теперь?) Ни одной строчки не было перепечатано изъ „Моск. Вѣд.“, которыя тогда говорили объ этомъ процессѣ тоже самое, что онѣ говорятъ и теперь (Такъ-ли поступилъ-бы Озмидовъ теперь?) И только два года спустя (прошу помнить: *два года* спустя), когда время и событія значительно измѣнились, тогда лишь появилось нѣсколько статей г. Цитовича о процессѣ Засуличъ, и именно въ духѣ „Моск. Вѣд.“. Вышеприведенная статья 28 марта сего года есть жалкій наборъ фразъ изъ статей „Моск. Вѣд.“ и статей Цитовича.

Вотъ факты неопорвержимые. Что-же касается до перепечатокъ 1878 года, то о нихъ имѣется, кромѣ вышеприведенныхъ доказательствъ, еще одно и весьма вѣское. У меня сохранился фельетонъ г. Градовскаго, вырѣзанный изъ „Голоса“. Фельетонъ, на который очевидно и намекается въ статьѣ 28-го марта сего года. На этомъ фельетонѣ Озмидова рукою отмѣченъ шрифтъ, которымъ онъ долженъ былъ быть набранъ для перепечатки въ „Новор. Телегр.“. Не появился-же онъ въ газетѣ лишь потому, что цензоръ не пропустилъ, на что Озмидовъ тогда-же жаловался.

Въ концѣ возраженія Озмидова, о которомъ идетъ рѣчь, онъ укоряетъ меня въ доносѣ. „Вы, говоритъ, доносите на насъ за наше прежнее либеральное направленіе“.

Но, Бога ради, успокойтесь! Это только одно ехидство съ моей стороны. Въ сущности-же, я и не думаю упрекать его за *прошлое*, такъ-же какъ и не стану восхвалять за *настоящее*, ибо какъ прошлый либерализмъ, такъ и нынѣшній патріотизмъ не искренны и фальшивы, какъ и тѣ двугривенные, которые въ послѣднее время пущены въ городѣ какими-то фальшивыми монетчиками. Какъ либерализмъ 1878 года, такъ и патріотизмъ 1881 года обусловливались и обусловливаются временемъ и выгодой, но не убѣжденіями, не принципами и не идеей. Проводя параллель между двумя различными взглядами одной и той-же газеты, подъ однимъ и тѣмъ-же фактическимъ управленіемъ, на важнѣйшія явленія русской политической жизни, я этимъ хотѣлъ только показать публикѣ торговлю печатнымъ словомъ во всей ея красѣ, чего я и достигъ. Больше мнѣ ничего и не нужно было....

IV.

Но еще рельефнѣе, еще яснѣе до очевидности обрисовывается эта беззастѣнчивая торговля печатнымъ словомъ и принципами по выгодной цѣнѣ, если мы обратимся къ самому главному, а именно, къ такъ называемому, „еврейскому вопросу", которымъ исчерпывается все нынѣшнее profession de foi „Новор. Телегр.". Тутъ такая превосходная картина, что только кисть художника могла-бы ее воспроизвести съ достаточной силой; на мою-же долю выпадаетъ на этотъ разъ скромная роль простаго коментатора.

И въ этомъ случаѣ я обратился къ тѣмъ-же достовѣрнымъ и абсолютно правдивымъ свидѣтелямъ, т. е. къ печатнымъ листамъ „Нов. Телегр.".

— Скажите, почтенные листы, спросилъ я у нихъ, по убѣжденію-ли Озмидовъ прожигаетъ нынѣ жидовъ и всегда-ли онъ былъ таковымъ?

— Ахъ, нѣтъ! Не вѣрьте ему! Не вѣрьте ни одному слову! Это онъ все по необузданной злобѣ, получилъ я единогласный отвѣтъ.

— Муки ада! Пытка невыносимая! О, какъ онъ меня терзаетъ ежедневно! Какъ онъ безбожно плюетъ мнѣ въ лицо ежедневно! завопилъ рыдающимъ голосомъ одинъ изъ нумеровъ.

— Да вы кто-же такой? спросилъ я.

— Я-то? Помилуйте! Я profession de foi той-же газеты, подъ той-же фактической редакціей! Я 558 №. Ахъ' какое это было время и какъ Озмидовъ тогда ухаживалъ за мною, какъ упрашивалъ онъ меня, понимаете? упрашивалъ, умолялъ выйти на свѣтъ божій и защитить его честь, и какъ-же безсовѣстно я былъ обманутъ, какъ подло онъ теперь издѣвается надо мною, благодаря лишь тому, что я вотъ, какъ видите, лежу въ архивной пыли, лежу придавленный цѣлой тысячью другихъ моихъ собратовъ и не могу шевельнуться! Ахъ, какъ больно, какъ мучительно больно! Каждый день, какъ только появится свѣжій нумеръ, то каждый изъ этихъ юныхъ негодяевъ считаетъ своимъ долгомъ зайти ко мнѣ и плюнуть мнѣ въ лицо! И такъ вотъ я мучаюсь скоро два года! Бога ради, умоляю васъ, освободите меня изъ этого проклятаго каземата. Дайте мнѣ возможность узрѣть свѣтъ Божій и людей! Помогите мнѣ предстать предъ судомъ общественной совѣсти и доказать моимъ наимладшимъ братьямъ, что они фарисеи, продажные плуты и отъявленные негодяи....

Такъ молилъ меня несчастный 558 №, а вслѣдъ за нимъ взмолились и другіе №№; но такъ какъ ихъ очень много и чтобы систематизировать ихъ въ одно цѣлое,—пришлось-бы работать мѣсяцы, тогда какъ у почтеннаго 558 № все ясно, все подведено и систематизировано, то я и рѣшилъ взять только этотъ №. Придерживаясь того-же метода, я и тутъ ставлю параллельно выдержки изъ позднѣйшихъ нумеровъ.

Но такъ какъ въ послѣднихъ нигдѣ Озмидовъ не высказывался опредѣленно, а всегда или прятался за спины гг. Суворина, Аксакова и др., или-же говорилъ самъ, на

ему одному свойственномъ жаргонѣ, а въ критическихъ случаяхъ самъ себя оплевывалъ по три раза на одну недѣлю, о чемъ будетъ рѣчь ниже, то поэтому мнѣ придется прибѣгнуть къ слѣдующей системѣ: рядомъ съ каждой мыслью и каждымъ положеніемъ 558 №, я буду ставить какъ разъ противоположныя мысли и положенія той-же газеты, только позже высказанныя. Такимъ образомъ, я дамъ читателю возможность убѣдиться въ полнѣйшей безпринципности самого органа и его руководителя. Ниже затѣмъ, для полноты картины, я сопоставлю взгляды и принципы, проводимые тѣмъ-же „Нов. Телегр.“ и по тому-же вопросу, взгляды и принципы, отдѣленные другъ отъ друга самымъ кратчайшимъ срокомъ, всего какими нибудь нѣсколькими днями, а много—мѣсяцемъ, тѣмъ не менѣе діаметрально противоположные и исключающіе другъ друга. Въ томъ и въ другомъ случаяхъ, я постараюсь брать цѣльныя мысли, чтобы отнять всякую возможность у Озмидова и его сподручныхъ клеветать, что, вотъ-де, подтасовалъ, передернулъ и т. п. Ради отнятія у него этого единственнаго и притомъ излюбленнаго имъ орудія, я даже не пользуюсь сохранившимися у меня въ большемъ количествѣ вырѣзками изъ его газеты, которыя, признаюсь, еще ярче освѣтили-бы картину, но къ моему величайшему сожалѣнію, я, вырѣзывая ихъ въ разное время, не отмѣтилъ на вырѣзкахъ № газеты; поэтому я и не могу ими воспользоваться. Пусть Озмидовъ изъ этого дѣлаетъ выводъ, на сколько я знакомъ съ его пріемами, на сколько я аккуратно и добросовѣстно отношусь къ моей задачѣ.

И такъ, читатель, приглашаю васъ полюбоваться зрѣлищемъ литературнаго канкана.

V.

«Новорос. Телегр.» за декабрь 1877 года № 558-й.	«Новор. Телегр.» за 1881 годъ и прибавленіе къ нему.
Гордіевъ узелъ еврейскаго вопроса.	*Миролюбивое разрѣшеніе еврейскаго вопроса.*
«Юдофилы мы, или юдофобы? Задавшись этимъ вопросомъ	«Повѣрьте, мы сами евреевъ

и собираясь дать на него отвѣтъ, мы чувствуемъ нѣкоторую робость.

Сказать: мы юдофилы—это значитъ вызвать цѣлую бурю восклицаній и упрековъ и быть аттестованнымъ «жидовскимъ органомъ».

Сказать: мы юдофобы — это значитъ записаться въ сонмъ рыцарей абскурантизма, ненавистниковъ принциповъ равноправности, братства и свободы.

Конечно, изъ этого затруднительнаго положенія можно выйти путемъ золотой середины, при помощи знаменитаго афоризма: съ одной стороны нельзя не признаться, съ другой нельзя не сознаться; но мы не

ненавидимъ, понимаемъ весь вредъ ихъ эксплуатаціи».

(№ 1904).

«Нов. Телегр.» возбуждаетъ противъ себя ненависть евреевъ, противъ которыхъ онъ возстаетъ и о чемъ онъ мало думаетъ.

(№ 1880).

Наше антиеврейское направленіе имѣетъ цѣлью сбавить у евреевъ ихъ національное нахальство, парализовать стремленіе эксплуатировать русскій народъ, указать имъ, что во всемъ мірѣ гнетъ евреевъ чувствуется, что вездѣ говорятъ о существованіи ненависти къ евреямъ. Наши одесскіе евреи и теперь уже сбавили немного своего нахальства, спѣси, страсти преобладать, порабощать. Слѣдов., польза антиеврейскаго направленія «Нов. Тел.» уже начала сказываться.

(№№ 1773 и 1880).

И теперь, когда евреи не пользуются равноправіемъ, они преобладаютъ во всемъ; что-же будетъ, когда имъ дадутъ равноправность? Не дай Богъ никому дожить до этого времени

(№ 1991).

Вотъ вамъ и „рыцари абскурантизма, ненавистники принциповъ равноправности, братства и свободы!“.

уважаемъ этого пути, свидѣтельствующаго о робости или даже неряшливости мысли. На вопросъ, поставленный нами, нужно дать категорическій отвѣтъ, каковой мы и дадимъ, сведя этотъ вопросъ на чисто-экономическую и соціальную почву.

Мы не станемъ говорить о темныхъ сторонахъ еврейства. Онѣ извѣстны всякому, кто только не закрывалъ глазъ, чтобы не видѣть ихъ. Невѣжество, узкій націонализмъ, эксплуататорскія тенденціи, замкнутость — всѣ эти явленія *лежатъ въ той соціальной и экономической обстановкѣ, въ которую евреи были поставлены bongré malgré втеченіе вѣковъ.* Констатируя эти нравственныя черты еврейства, мы этимъ нисколько *не хотимъ сказать, что черты эти составляютъ исключительную національную особенность евреевъ. Сказать это было-бы нелѣпо.* Однажды докторъ Джонсонъ, прочитавъ книгу Гауксворта, воскликнулъ: «Господи, какое поразительное сходство представляютъ всѣ эти дикія племена Южнаго океана». Мы думаемъ однако, что не только дикія племена, но даже и самыя цивилизованныя европейскія націи представляютъ поразительное сходство, и эта итальянская поговорка:

У евреевъ мошенничетсво — въ массѣ, по принципу.

(№ 1895).

Евреи — это злокачественная сыпь, паразиты на государственномъ и общественномъ организмѣ, которые, съ каждымъ годомъ все сильнѣе укрѣпляясь и внѣдряясь, все распространяясь больше и больше, грозятъ серьезными и тяжелыми послѣдствіями въ будущемъ, даже не столь отдаленномъ. Всмотритесь въ умственную и физическую конструкцію еврея. Развѣ трудъ совмѣстимъ съ его задушевными гешефтами, составляющими импульсъ его дѣятельности? А гдѣ-же мощная мускульная сила, необходимая для земледѣльческаго труда? Выхоленныя на бебехахъ, жидовскія руки способны только держать аршинъ, вѣсы, штофъ, старое негодное тряпье...

(Приб. № 23 *).

*) Хотя статья эта и подписана инициалами, что, конечно, не избавляетъ редакцію отъ отвѣтственности

«tutto il mondo è paese» весьма вѣрна дѣйствительности. *Эксплуатація, конкуренція, спекуляція, страсть къ наживѣ, самый грубый эгоизмъ — это общія черты всѣхъ народовъ.*

Но намъ могутъ замѣтить, что «кагальность», «замкнутость» составляютъ типическую особенность еврейства. И это замѣчаніе будетъ вполнѣ справедливымъ. Но tout comprendre — c'est tout pardonner. Откуда взялась, чѣмъ вызвана, что обусловило эту замкнутость, эту кагальность, это какое-то окаменѣвшее status in statu. Пессимисты объясняютъ это явленіе фанатическою косностью евреевъ, ихъ непреодолимымъ упорствомъ, ихъ крѣпкою солидарностью, освященною религіозными традиціями. Мы думаемъ, что это заблужденіе. Нѣтоторые нѣмецкіе историки раздѣляютъ все человѣчество на двѣ расы: *активную* и *пассивную*. По ихъ мнѣнію, якутъ или кафръ обречены на всегда оставаться на той степени дикости, на которой мы видимъ ихъ теперь. Евреи, съ перваго взгляда, какъ будто подтверждаютъ это нелѣпое положеніе нѣмецкихъ историковъ. Но стоитъ всмотрѣться ближе въ этотъ вопросъ, чтобы разсѣять подобное предубѣжденіе. Что такое

Всмотритесь по пристальнѣе въ положеніе еврея въ окружающей его средѣ населенія: еврей торгуетъ всѣмъ, чѣмъ угодно. Еврей даетъ деньги подъ залогъ за жидовскіе проценты; залогъ, въ большинствѣ случаевъ пропадаетъ. Евреи-маклера играютъ на биржѣ; евреи — извощики, евреи — землевладѣльцы, арендаторы, подрядчики; евреи — шинкари, содержатели трактировъ, боенъ, бань, публичныхъ домовъ, скупщики; евреи — доктора, аптекаря, адвокаты, члены различныхъ обществъ. *Однимъ словомъ, они захватили все въ свои руки.* Еврей, *по своей врожденной предпріимчивости, рискуетъ на все.* Ему ничто не страшно. Онъ смошенничаетъ, своруетъ, посидитъ въ тюрьмѣ, а гешефтами всетаки будетъ заниматься. Онъ мало ѣстъ, мало спитъ, все бѣгаетъ, ища какъ-бы заработать, надуть кого нибудь. *Вотъ почему евреевъ нѣтъ ни художниковъ, ни артистовъ, ни земледѣльцевъ, ни каменьщиковъ, ни штукатуровъ* и т. п., такъ какъ тутъ нуженъ трудъ. Ев-

за тенденціи ея, но имѣя въ виду тѣ вліянія, къ которымъ она прибѣгаетъ въ критическихъ случаяхъ, прячась за спины разныхъ инціаловъ, — я указываю на 1936 №, гдѣ статья 23 № «Прибавл.» названа редакціонной.

Авт.

кагалъ? Причина это, или результатъ?

Представьте себѣ, что въ извѣстномъ государствѣ, наприм., рыжіе подданные были-бы поставлены законодательствомъ въ исключительное положеніе, что ихъ стали-бы искуственно группировать на извѣстномъ мѣстѣ, лишать политическихъ правъ; заставлять платить, кромѣ государственныхъ податей, еще спеціальные налоги, изолировать отъ соприкосновенія съ гражданскимъ и государственнымъ строемъ жизни господствующаго населенія, создавать для нихъ какія нибудь особыя учрежденія, — нужно-ли говорить, что всѣ рыжіе, конечно, организовались-бы въ свой оригинальный міръ, а вовсе не асимилировались-бы съ кореннымъ элементомъ населенія.

рей старается работать какъ-бы полегче.

(№ 1931).

Какъ единственный дѣйствительный антидотъ противъ семитизма, слѣдуетъ немедленно принять такія мѣры: 1) евреямъ не дозволяется во всей имперіи покупка и аренда земли, а также не дозваляется жить въ деревняхъ; 2) въ центральной и восточной Россіи пребываніе имъ воспрещается; 3) въ западной половинѣ и Новороссіи они остаются съ правомъ жить только въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ могутъ имѣть свои дома въ количествѣ, непревышающемъ $^1/_{10}$ части всѣхъ домовъ города; 4) здѣсь имъ предоставляются общія всѣмъ торговыя, промышленныя и ремесленныя права, но въ такомъ количественномъ ограниченіи, чтобы на каждую тысячу городскаго населенія полагалось одно или два еврейскія заведенія; 5) въ этихъ заведеніяхъ, требующихъ рабочихъ рукъ, можетъ быть по 5 рабочихъ-евреевъ; 6) никакія свои особыя, спеціальныя школы не дозволяются; 7) выѣздъ навсегда изъ Россіи вполнѣ свободный, а для бѣдныхъ безпошлинный.

Пусть сегодня-же явится этотъ десятокъ строкъ въ нашемъ законодательствѣ — и ев-

И послѣ этого наша интеллигенція еще удивляется, что евреи изолировались въ кагальный міръ, ушли въ свою раковину. Мы пишемъ не апологію евреевъ, намъ крайне гнусна ихъ практика, но настолько же гнусна, на сколько гнусна и практика всѣхъ торгашей. Но почему евреи спеціально торгаши? Отвѣтъ ясенъ. Поставленные въ такое положеніе, евреи воспользовались единственно свободною для нихъ профессіей — торговлей. На этомъ champ libre они пріобрѣли всесвѣтную славу торгашей, мѣнялъ и ростовщиковъ. Нигдѣ, ни въ какой отрасли соціально-экономической жизни, деморализація не дѣйствуетъ такъ интенсивно, какъ въ сферѣ торговли, а евреи почти всѣ in corpore ушли въ эту профессію, противъ которой ведутъ такую ожесточенную войну всѣ соціальные реформаторы. Когда-же мы видимъ всю націю занимающеюся торговлею, биржею, спекуляціей,— мы, конечно, даемъ ей ея настоящее имя, но, къ сожалѣнію, забываемъ, *что «жидъ»—это дѣло нашихъ-же собственныхъ рукъ*, забываемъ, что «tu l'a voulu, Georges Dandin». *А забывая, что мы сами обратили еврея въ жида, мы еще ставимъ ему въ вину, что онъ жидъ.*

рейскій вопросъ будетъ рѣшенъ. Помимо-же такихъ мѣръ, не найти его разрѣшенія.

(Приб. № 23).

Иные высказываются за полныя права и разселеніе евреевъ по всей Россіи. Но тогда евреи заполонятъ собою все, заползутъ во всѣ сферы дѣятельности, переполнятъ собою города, завладѣютъ капиталомъ, торговлей, вытѣснятъ помѣщиковъ изъ ихъ имѣній и, наконецъ, сдѣлаются среднимъ сословіемъ, тѣмъ именно сословіемъ, которое во всѣхъ государствахъ является преобладающимъ дѣятелемъ. Что-же тогда помѣшаетъ приступить имъ хотя-бы и къ осуществленію своей завѣтной мечты — къ реставраціи ветхозавѣтной развалины.

Другіе высказываются за сохраненіе теперешняго statu quo, чего также невозможно допустить. Тогда вся западная половина имперіи и Новороссіи будутъ выданы головою въ жидовскую кабалу. Еще въ меньшій промежутокъ времени они очутятся въ этихъ мѣстахъ въ томъ преобладающемъ положеніи, о которомъ сейчасъ было сказано. Какъ-же тогда столковаться государству съ такою половиною?!...

(Приб. № 23).

Но этого мало. Наши журналисты обвиняютъ, напр., исключительно евреевъ въ эксплуатаціи и видятъ въ евреѣ *главную причину эксплуатаціи и обѣдненія народа.*

Въ послѣднее время къ этому вопросу совершенно въ такомъ духѣ отнеслось «Новое Вр.» (см. № 37, «Письма изъ Одессы»). Подобное отношеніе, по нашему мнѣнію, по меньшей мѣрѣ нелѣпо. Мы думаемъ, что еслибы предложили хоть бы «Од. Вѣстн.» или «Одесситу» (кореспонд. «Нов. Вр.») на разрѣшеніе вопросъ: «эксплуататоры ли евреи потому, что они евреи или потому, что они занимаются торговлей и биржевыми спекуляціями?»—они бы, не колеблясь, отвѣтили на первую половину вопроса отрицательно, т. е. *даже* они признали бы, что евреи эксплуататоры *не потому, что они евреи*; а если такъ, вопросъ долженъ быть перенесенъ уже на почву

Вопросъ о разселеніи евреевъ по Россіи принадлежитъ къ числу вопросовъ праздныхъ, надъ которымъ не стоитъ даже терять времени и труда. Необходимо похерить этотъ вопросъ... Нѣтъ, не расширенія правъ евреевъ требуютъ интересы государства, а *ограниченія ихъ.*

(№ 1965).

На евреяхъ много вины экономической. Они бьютъ насъ рублемъ, высасывая соки того населенія, среди котораго они живутъ.

(№ 1880).

Доктринеры еврейскаго вопроса ставятъ вопросъ не безъ хитрости: какъ-же еврею перестать думать только о золотомъ тельцѣ и наживѣ, когда предъ нимъ нѣтъ высшихъ идеаловъ, когда ему закрыты всѣ поприща для благороднаго честолюбія, когда онъ все еще чувствуетъ себя пришлецомъ, чужимъ, и всюду отъ него сторонятся, оскорбляютъ его національное чувство и прочее въ такомъ родѣ.

Невольно вспоминается Рейнеке-Лисъ. Что еслибы мы стали увѣщевать лисицу: «ну, зачѣмъ ты воруешь и душишь чужихъ куръ? Вѣдь это не честно. Ты этимъ возбуждаешь противъ себя вражду. Отчего ты сама не потрудишься? Возь-

чисто-экономическую. Очевидно, что если евреи эксплуататоры потому, что они занимаются торговлей и разными спекуляціями, то эксплуатація составляетъ *атрибутъ торговой и биржевой среды*. Значитъ, будутъ ли торговлей и биржевыми спекуляціями (на современныхъ ихъ началахъ) заниматься евреи, русскіе или греки, — эксплуатація будетъ та-же самая; значитъ, разглагольствованія про эксплуатацію евреевъ лишаются смысла и являются только *средствомъ* къ отводу глазъ отъ настоящаго зла: *зло не въ евреяхъ, а въ тѣхъ условіяхъ, которыя даютъ возможность проявляться, между прочимъ и ихъ эксплуататорскимъ стремленіямъ.*

Если вы даже уничтожите евреевъ, если вы ихъ изгоните и лишите ихъ гражданскихъ правъ, а соціально-экономическія условія останутся безъ измѣненія, — народу станетъ отъ этого не легче: вся разница будетъ только въ томъ, что, вмѣсто вытѣсненныхъ евреевъ, эксплуататорами народнаго труда явятся исключительно христіане. Кому не извѣстно, что въ Великороссіи еврейскій элементъ крайне ничтожный; по многимъ мѣстамъ тамъ вовсе нѣтъ евреевъ, а между тѣмъ «кулачество» и «міроѣдство» процвѣтаютъ.

ми, выведи цыплятъ, куръ и кушай на здоровье свои яйца, свою курятину. А этакъ, по воровски — не хорошо. Другіе трудятся, а ты пожираешь плоды ихъ трудовъ. Нѣтъ, ты сама потрудись». Спрашиваемъ: много-ли помогутъ такія увѣщанія? Пусть лиса переродится сначала и перестанетъ быть лисою, тогда она пойметъ васъ; а до тѣхъ поръ — напрасныя увѣщанія.

(№ 1895).

У евреевъ мошенничество въ массѣ, по принципу.

(№ 1895).

На евреяхъ много вины экономической. Они бьютъ насъ рублемъ, высасывая соки того населенія, среди котораго они живутъ.

(№ 1880).

таютъ тамъ не меньше, чѣмъ у насъ, гдѣ преобладающій элементъ торговаго и биржеваго класса составляютъ евреи; лучше-ли московскій кулакъ одесскаго, — это еще вопросъ...

«Ну, а еслибы евреевъ не было, еслибы торговля и спекуляція находились, напр., въ рукахъ англичанъ, грековъ, великоруссовъ, — развѣ гнетъ этого зла былъ-бы слабѣе? А если такъ, то не на жидовъ должны мы нападать, а вообще на эксплуататоровъ, паразитовъ, заѣдателей чужаго труда; вообще должны думать о соціально-экономической реформѣ, а не играть въ прятки и принимать часть за цѣлое, должны сосредочить наше вниманіе не на устраненіи изъ одесской торговли хлѣбныхъ и биржевыхъ царьковъ израитскаго происхожденія и замѣнѣ ихъ хлѣбными царьками греческаго или московитскаго происхожденія, а на устраненіи самой сути торговаго зла, т. е. взаимнаго обмана, вносящаго страшную деморализацію въ общество своей безчеловѣчной практикой — продать дорого и купить дешево. *Повторяемъ, зло не въ жидѣ, а въ торговлѣ, служащей, повидимому, къ сближенію между собою производства и потребленія, но въ сущности держащей подъ своимъ игомъ и производ-*

Можно-ли сравнивать 90% кабатчиковъ, кулаковъ и ростовщиковъ евреевъ съ 10% кабатчиковъ, кулаковъ и ростовщиковъ христіанъ? Можно-ли ставить на одну доску еврея—кабатчика съ христіаниномъ—кабатчикомъ?[1]) *Да, пусть, наконецъ, загребаетъ* нашъ русскій кулакъ. Вѣдь, во-первыхъ, онъ нашъ русскій[2]), а во-вторыхъ, русскихъ меньше[3]) и деньги русскаго кулака остаются въ Россіи[4]), а евреи все вывозятъ за-границу[5]).

(№ 1936).

---

[1]) Отчего-же и нѣтъ? Развѣ только потому, что русскій цѣловальникъ крестится большимъ крестомъ, когда надуваетъ и опаиваетъ?.

[2]) Вотъ это такъ понятно! Противъ такихъ доводовъ, конечно, никто возражать не станетъ.

[3]) А въ великорусскихъ губерніяхъ?

[4]) Да возрадуется обобранный мужичекъ!

[5]) Ахъ, проклятые! Не лучше-ли Озмидову вручить на храненіе!...

ство, и потребленіе и заставляющей своими капиталами и своимъ господствомъ на рынкѣ мелкихъ производителей продавать дешевле настоящей цѣны, а потребителей — покупать дороже настоящей цѣны...

И такъ, мы ни юдофилы, ни юдофобы; мы ненавистники эксплуатаціи, спекуляціи, паразитизма и заѣданія чужаго труда.

Мы сами ненавидимъ евреевъ и т. д. (№ 1094).

Я думаю, что продолжать сопоставленія нѣтъ никакой надобности. Нѣтъ ни одной стороны еврейской жизни куда-бы «жидовскій органъ» не ворвался съ своей совершенно своеобразной логикой.

Все то, что я до сихъ поръ сопоставлялъ, можетъ служить достаточной характеристикой озмидовскаго сальто-мортале по этому злосчастному вопросу.

Но, въ видѣ курьеза, я хочу привести еще два взгляда того-же „Нов. Телегр.“ и по одному и тому-же вопросу, но совершенно другъ другу противорѣчащіе.

Курьезъ тутъ заключается въ томъ, что оба эти взгляда отдѣлены другъ отъ друга уже не такимъ большимъ пространствомъ времени—какъ *три* года (Разъ въ три года мѣнять свою шкуру для *веселаго* и *откровеннаго органа* дозволительно, если змѣя мѣняетъ ее разъ въ *семь* лѣтъ), а какими нибудь недѣлями или, много, мѣсяцами.

Но для этого мнѣ прійдется повторить одну изъ приведенныхъ уже цитатъ. Вотъ что писалось въ этомъ году въ „Нов. Тел.“ по вопросу о разселеніи евреевъ.

Единственно, что можно желать для общаго блага, это дозволеніе евреямъ жить по всей Россіи, для того, чтобы дать имъ возможность переселиться въ другія губерніи и не скучиваться въ одной мѣстности, гдѣ они никогда, вслѣдствіе своей

Вопросъ о разселеніи евреевъ по Россіи принадлежитъ къ числу вопросовъ праздныхъ, надъ которымъ не стоитъ даже терять времени и труда. Необходимо похерить этотъ вопросъ!

Съ этой точки зрѣнія *должна* смотрѣть и комиссія министер-

отчужденности, не сольются съ господствующимъ населеніемъ. Найдите заграницей хоть одно государство, гдѣ бы въ одной мѣстности было $3\frac{1}{2}$ мил., или въ одномъ городѣ 60 — 80 тысячъ евреевъ! А у насъ такое количество евреевъ попадается въ одномъ краѣ, въ одномъ городѣ. Такая скученность и есть главная причина изолированности евреевъ въ Россіи, которая и порождаетъ отчужденность отъ господствующаго населенія.

(№ 1887).

Мы очень хорошо понимаемъ, что идти противъ всего еврейскаго племени несправедливо, даже глупо; образованные евреи почти слились съ русскими и мы не видимъ причинъ, отчего евреямъ задерживать путь къ прогресу, къ сліянію.

(№ 1517).

ская на домогательства евреевъ (т. е. съ точки зрѣнія «похерить»).

Далѣе въ той-же статьѣ:

Нѣтъ! не расширенія правъ требуютъ интересы государства, *а ограниченія ихъ*...

(№ 1965).

Въ ненависти противъ евреевъ виноваты сами евреи. 3000 лѣтъ ихъ вездѣ бьютъ *и никакія школы не уничтожатъ ненависти къ евреямъ*. При чемъ тутъ образованіе, когда еврей садится на шею, жметъ въ тискахъ, сосетъ все изъ русскаго человѣка, ничего не дѣлая, ничего не производя. И необразованный, и образованный захочетъ размахнуться, чтобы (побить стекла да бебехи распороть) избавиться отъ вампировъ.

(№ 1880).

Настоящій краснорядскій экземпляръ, не правда-ли? „Чего извольте“,—того и требуйте, а мы со всякимъ нашимъ удовольствіемъ. — Вамъ что требуется, Иванъ Ивановичъ? Вы за дозволеніе евреямъ повсемѣстнаго жительства? Что-жь, дѣло хорошее. Мы не только согласны, но признаемъ даже эту мѣру „единственной, какую только можно желать для общаго блага“. А-сь?... Вы, Парамонъ Панкратичъ? Вы чего изволите? Вы противъ разселенія жидовъ? Вамъ-бы совсѣмъ вытурить пархатыхъ

изъ разлюбезнаго отечества, потому что Шмуль бакалею открылъ рядомъ съ вашей и „покупателевъ“ отъ васъ отбиваетъ. Юркая бестія! Знаемъ, знаемъ... Извольте, мы это мигомъ обдѣлаемъ. Мы вотъ гаркнемъ на всю, что ни на есть, Р-а-с-с-е-ю, что «вопросъ о *разселеніи* евреевъ принадлежитъ къ числу вопросовъ праздныхъ, надъ которымъ не стоитъ даже терять времени и труда, и который прямо нужно *похерить*», и *похеримъ*. Ужь мы на томъ стоимъ... Мы вотъ такъ и господамъ министрамъ доложимъ. Намъ это непочемъ.

Изъ всего приведеннаго, я думаю, для читателя ясно, что у органа Озмидова никакой рѣчи и быть не можетъ о послѣдовательности, о ясно сознанной программѣ, о принципахъ, словомъ, обо всемъ томъ, что опредѣляетъ характеръ газеты и безъ чего органъ печати теряетъ свое назначеніе и становится мелочной лавочкой, гдѣ все навалено въ одну кучу: и канаты, и извѣсть, и конфекты, и яичное мыло, и „шевская смола“, и бѣлая глина, чай, сахаръ „добрый дегеть“, духи, словомъ, всякая дрянь...

Такъ оно тутъ и есть. Чего хочешь,—того и просишь, а въ итогѣ: сумбуръ, путаница, отчаянное лганье, безнадежное тупоуміе, развратъ мысли и чувства, и, опять таки, обильная подписка и бойкая розничная продажа...

Не знаю, вправѣ-ли читатель претендовать на меня за то, что я такъ много мѣста отвелъ, такъ наз., „еврейскому вопросу“. Но вѣдь я имѣю дѣло съ этимъ вопросомъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ р-а-з-р-а-б-о-т-а-н-ъ на страницахъ „Нов. Телегр.“, а разработанъ онъ на страницахъ «этой газеты» совсѣмъ особеннымъ образомъ. Могъ-ли я, въ самомъ дѣлѣ, иначе поступить, когда все содержаніе „Нов. Телегр.“ исчерпывается именно этимъ вопросомъ, и ужъ если какой нибудь органъ заслуживаетъ названія „жидовской газеты“, такъ это именно „Нов. Телегр.“, ибо ни одинъ изъ всѣхъ жидофобскихъ и жидофильскихъ органовъ ежедневной печати не отдается такъ систематически и всецѣло интересамъ жидовства, какъ органъ Сабанійской казармы, точно въ Россіи, кромѣ жидовъ и жидовскихъ интересовъ, никого и ничего больше нѣтъ. И все это продѣлывалось и продѣлывает-

ся не въ эпоху, когда *жидъ*, силою обстоятельствъ, являлся субъектомъ также всемірноизвѣстнымъ, какъ нѣкогда Османъ-паша, Бисмаркъ или Наумъ Прокофьевъ! Нѣтъ, далеко раньше. Еще въ то время, когда о стеклобитіи и перино-раздираніи и помину не было, въ «Нов. Телегр.» уже раздавался торжественный звонъ отъ побитыхъ жидовскихъ оконъ и летѣли перья отъ разорванныхъ жидовскихъ бебеховъ. Давно уже угомонилась публика стараго толчка и каменоломенъ, а въ «Нов. Телегр.» продолжается гиканье и свистъ....

Въ самомъ дѣлѣ, просмотрите нумера «этой газеты» хотя бы за текущій годъ и вы увидите, что нѣтъ статьи, нѣтъ замѣтки, гдѣ бы вы не натолкнулись на *жида*. Въ передовой — *жидъ*; въ хроникѣ — *жидъ*; въ кореспонденціи — *жидъ*; въ фельетонѣ — *жидъ*; въ иностранномъ отдѣлѣ — *жидъ*; въ «мнѣніяхъ и отзывахъ» — *жидъ*; въ смѣси — *жидъ*; въ прибавленіяхъ въ текстѣ — *жидъ*; въ стихотвореніяхъ — *жидъ*; въ каррикатурахъ — *жидъ*. Словомъ, на какомъ-бы столбцѣ ни остановился вашъ глазъ,— вездѣ вамъ подаютъ *жида* жареннаго, жида — печеннаго, жида — вареннаго, жида подъ разными соусами и съ различными, подчасъ неудобопереваривaемыми, приправами; такъ что иной разъ вы совершенно забываете, что живете въ Россіи, и невольно переноситесь въ царство Ханаанское въ тѣ времена, когда Іерусалимскіе квартальные надзиратели еще не носили ни мундировъ, ни шашекъ, а Іисусъ Навинъ былъ только простымъ городничимъ и въ чинѣ колежскаго асессора.

При такомъ положеніи вещей, вы представьте себѣ на минуту, что вы имѣете дѣло не съ печатнымъ листомъ, а съ живымъ человѣкомъ. Вообразите себѣ, что этотъ человѣкъ не только три года тому назадъ находилъ, что «мы сами виноваты въ томъ, что еврей сдѣлался жидомъ, и что не одни евреи—*жиды*; но и, не дальше какъ годъ тому назадъ, признавалъ, что «идти противъ всего еврейскаго племени несправедливо, даже *глупо*», такъ какъ «образованные евреи *слились* уже съ русскими» и онъ «невидитъ причинъ, отчего евреямъ задерживать путь къ прогрессу и сліянію». Вообразите себѣ затѣмъ, что этотъ са-

мый субъектъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя собралъ 4-хъ или даже 5-ти тысячную толпу на какой нибудь огромной площади и оретъ во всю мочь: «жиды, жиды кровопійцы! жиды заѣдаютъ! жиды грабятъ! жиды кровь сосутъ! жиды, жиды и жиды! Они намъ не нужны! Ихъ необходимо выгнать! Никакое разселеніе, никакое образованіе не поможетъ!» Но тутъ же, отвернувшись въ другую сторону, онъ увѣряетъ, что «только въ *разселеніи евреевъ одно наше спасеніе*», а черезъ минуту опять оретъ съ пѣной у рта, что «вопросъ о разселеніи евреевъ необходимо похеритъ».

Если, говорю я, вы себѣ представите такого субъекта, а таковымъ «Нов. Телегр.» является несомнѣнно, то, несмотря на ясно очерченные мною мотивы, которыми обусловливаются ласки и ненависть газеты архи...тектора Озмидова, у васъ все таки возникаетъ вопросъ: что это съ нимъ? Какъ это онъ на глазахъ у всѣхъ такъ беззастѣнчиво бахвальничаетъ, мѣняя свои взгляды десять разъ на недѣлю? Неуже-ли онъ дурачитъ другихъ, или самъ онъ..... А можетъ быть, онъ мѣняетъ свое мнѣніе о *жидахъ* потому, что сами они мѣняются? Самый интересный моментъ для насъ — это моментъ перехода «Нов. Телегр.» отъ чрезмѣрной дружбы къ дикой ненависти.

Въ самомъ дѣлѣ, это очень интересно! Нельзя же допустить, чтобы человѣкъ въ нормальномъ состояніи ласкалъ, голубилъ, миловалъ *жида* и вдругъ, ни съ того ни съ сего, принимается его трепать на всѣ стороны. Я говорю: ни съ того ни съ сего, ибо вѣдь евреи не измѣнились. Такими же «*гандельщиками, гешефтниками, фактѣрами, мѣнялами, кабатчиками, кровопійцами, паразитами, гнетущими и порабощающими бѣдный русскій народъ*», какими они были въ 1878 и 1879 годахъ, такими они остались и по-днесь. Ничто и ничего вѣдь не измѣнилось въ ихъ экономическомъ, политическомъ и соціальномъ строѣ въ этотъ краткій періодъ! Почему же 2 — 3 года тому назадъ мы, т. е. все русское общество привлекалось къ отвѣтственности за то, что евреи — жиды? Почему годъ тому назадъ было «глупо идти противъ цѣлой націи», а теперь вдругъ вся нація виновата, вся нація, какъ одинъ

человѣкъ, признана паразитомъ, кровопійцей и т. п.? Отъ чего все это?

Тутъ возможны только слѣдующія умозаключенія: или субъектъ этотъ, если читатель представитъ себѣ газетный листъ — живымъ человѣкомъ, — находится не въ нормальномъ состояніи: тогда ему мѣсто не на общественной каѳедрѣ, а въ больницѣ; или это просто отчаянный лжецъ: тогда его необходимо стащить съ каѳедры и это должна сдѣлать сама публика, ибо систематическимъ и ежедневнымъ лганьемъ онъ просто моронитъ людей и доказываетъ очень ясно, что онъ ни капельки уваженія не питаетъ къ своимъ слушателямъ; или же, наконецъ, тутъ дѣйствуютъ какія нибудь другія причины? А вѣдь причины должны быть несомнѣнно...

Но...

Прежде чѣмъ бросимъ
Мы въ него приговоръ роковой,
Подозвемъ-ка да спросимъ,
Какъ дошелъ онъ до жизни такой...

Не длиненъ, да пожалуй, и не *новъ* будетъ разсказъ. Я «подозвалъ» тѣ же нумера «Нов. Телегр.» и спросилъ у нихъ: «Какъ дошелъ онъ до жизни такой?» И вотъ-что я вывелъ изъ общаго ихъ отвѣта:

Въ концѣ 1879 года на страницахъ «Нов. Телегр.» встрѣчается впервые слово «жидъ». Появленіе этаго зловѣщаго слова слѣдуетъ отнести къ тому времени, когда съ главой газеты случился маленькій скандалъ въ одномъ кредитномъ учрежденіи, а именно въ «Общ. Вз. кредита», въ которомъ онъ служилъ и получалъ 3-хъ тысячный окладъ и котораго онъ лишился, благодаря стараніямъ одного еврейскаго туза, а именно г. Бродскаго. И вотъ, чтобы отомстить своему врагу, онъ не нашелся ни чего другаго сказать о немъ, какъ только то, что онъ *жидъ*. Конечно, обозви онъ г. Бродскаго *жидомъ* въ передней банка,—дѣло тѣмъ бы и кончилось; но онъ обозвалъ его *жидомъ* въ газетѣ, что естественно, оскорбило всѣхъ евреевъ, которые въ данномъ случаѣ поступили очень не практично, ибо, вмѣсто того, чтобы умилостивить разгнѣваннаго юпитера надлежащими приношеніями, они, въ свою очередь, вздума-

ли мстить тѣмъ, что замѣнили «Нов. Телегр.», народившеюся тогда, «Правдой».

Это, понятно, привело главу «Нов. Телегр.» еще въ большее раздраженіе и вскорѣ на страницахъ газеты слово *жидъ* было замѣнено словомъ *жиды*, при чемъ это слово стало появляться все чаще и чаще, хотя и не такъ настойчиво и рѣшительно, какъ къ концу 1880 года.

Къ концу этого года, на бѣду и погибель евреямъ, случился переворотъ съ «Правдой». Изданіе перешло въ руки евреевъ, редакторомъ-издателемъ офиціально выступилъ присяжный повѣренный К. Е. Розенъ. Положеніе, стало быть, становилось опаснымъ, ибо съ одной стороны—двусмысленныя и чрезвычайно натянутыя отношенія евреевъ къ «Нов. Телегр.», а съ другой—газета, во главѣ которой стоятъ евреи и которая, такимъ образомъ, становилась весьма опаснымъ конкурентомъ.

Необходимо было принять мѣры; но что же можно было сказать о г. Розенѣ? Личность—онъ вполнѣ интелигентная, образованіе — на его сторонѣ, безчестныхъ поступковъ, или хотя-бы предосудительныхъ, вродѣ подрядовъ, побочныхъ субсидій въ образѣ афишъ и т. п.,—за нимъ тоже никто не зналъ. Что же сказать?... *Жидъ*. Ну да, *жидъ*!... *Жидъ*, *жиды*, *жидовъ*, *жидами*, *жидамъ*, *жиду*, *о жидахъ*! Словомъ, *жидъ* на страницахъ «Нов. Телегр.» склонялся ежедневно и при каждомъ удобномъ и даже неудобномъ случаяхъ, причемъ, въ лицѣ г. Розена, шельмовалась вся нація.

Это была совершенно новая эра, въ которую вступилъ тогда «Нов. Телегр.», и если-бы вы, читатель, задали себѣ трудъ прослѣдить нумеръ за нумеромъ «Нов. Тел.» за 1880 годъ, какъ это сдѣлалъ я, то вамъ представилась бы слѣдующая, въ высшей степени интересная, картина постепеннаго превращенія органа Сабанійскихъ казармъ въ чисто «жидовскую газету»...

Вы берете книгу и перелистываете нумера. Сначала вы наталкиваетесь на мелкія замѣтки, направленныя противъ редакціи «Правда» въ чисто торгашескомъ жанрѣ, вродѣ того, что, молъ, «Правда»—газета пустая, безсодержательная и мало распространеная (послѣднее адресовалось

подавателямъ объявленіи) и т. п., при чемъ слово *жиды* —тутъ какъ тутъ: и въ заголовкѣ и въ текстѣ.

Затѣмъ, чѣмъ дальше—тѣмъ все больше, рѣзче и безпардоннѣе. Наконецъ, успѣхъ «Правды» доводитъ редактора »Нов. Телегр.» до бѣшенной ярости, и на столбцахъ газеты появляются уже статьи, обвиняющія редактора «Правды» въ защитѣ *жидовскихъ интересовъ* (хотя, замѣтьте, прошу васъ, на страницахъ «Правды», за все время редакторства г. Розена, не было ни единой статьи, ни единой замѣтки въ защиту евреевъ). А такъ какъ *жидовскіе интересы* извѣстно какіе: *гешефтъ* и *гандель*, то, понятно, г. Розенъ, какъ жидъ, — гешефтникъ и гандельщикъ; а если г. Розенъ, какъ жидъ, — гешефтникъ и гандельщикъ, то всѣ жиды и т. д. Словомъ, *жиды* и редакторъ «Правды» такъ сплелись, слились и перепутались въ головѣ Озмидова, что вся нація явилась виновной въ томъ, что г. Розенъ—редакторъ газеты, которая и т. д.....

Сначала редакторъ «Нов. Телегр.» дѣйствовалъ въ этомъ направленіи совершенно безсознательно, просто по энерціи, какъ всякая грубая стихійная сила. «Правда» отнимаетъ подписчиковъ, «Правду» издаютъ жиды,—бей жидовъ»...

Что изъ этого выйдетъ,—онъ въ началѣ и самъ незналъ; но изъ этого вышелъ очень выгодный гешефтъ. Жидобитіе, помимо сознанія его, оказалось очень подходящимъ дѣломъ, ибо оно пріятно защекотало нервы толпы. Оно и понятно: у евреевъ очень много враговъ, можетъ быть даже совершенно заслуженныхъ ими, но повторяю и настаиваю на моемъ выводѣ, что, до открытія боя, у «Нов. Телегр.» не было ясно сознанной цѣли и послѣдовательнаго плана сраженія! Повторяю и настаиваю на моемъ выводѣ, что бой былъ затѣянъ, по выше приведеннымъ мною, мотивамъ и при томъ, какъ я сказалъ уже, по энерціи; и не сдѣлай онъ совершенно для него новаго открытія т. е., что *жидобитіе* вещь очень *выгодная*, онъ бы съ закрытіемъ «Правды» опомнился, пришелъ бы въ себя и, пожалуй, читатели «этой газеты» имѣли бы удовольствіе прочесть въ 1880 году тоже самое о *жидахъ*, что они читали въ концѣ 1877

тода. Но разъ было сдѣлано открытіе,—тогда шабашъ! удержу уже не было...

Тутъ-то именно и пошелъ въ ходъ тотъ пріемъ, который отличаетъ «Новороссійскій Телеграфъ» отъ всѣхъ другихъ жидофобскихъ органовъ. Я говорю о методѣ обобщать каждый мелочной, частный случай. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, до какого безобразія люди доходятъ! Достаточно, чтобы какой-нибудь Шлема высморкался днемъ на Дерибасовской улицѣ и репортеръ уже несется стремглавъ въ редакцію и строчитъ («Новороссійскій Телегр.» создалъ свой особенный типъ репортера), а на другой день вы уже читаете: «До какого нахальства доходятъ жиды!» Это заголовокъ; затѣмъ, въ текстѣ: «Вчера, среди бѣлаго дня, въ присутствіи гуляющей христіанской публики, на Дерибасовской улицѣ Шлема... высморкался. Мы скоро дойдемъ до того, что русскому человѣку нельзя будетъ пройти по улицѣ. Необходимо принять мѣры. И чего это полиція смотритъ»? и т. д. въ этомъ родѣ.

Достаточно, чтобы какой нибудь Гершко судился въ камерѣ мироваго судьи за мошенничество и референтъ «Нов. Телегр.» уже мчится запыхавшись въ редакцію и строчитъ (типъ референта «Нов. Телегр.» тоже вполнѣ приспособленный), а на другой день вы читаете рефератъ по дѣлу Гершки съ слѣдующимъ приблизительно эпиграфомъ: «До какой степени всѣ жиды мошенничаютъ, видно» и т. д., а ежели еще судья оправдалъ, то и ему спуску небудетъ....

Въ этомъ направленіи «Нов. Телегр.» очень часто доходилъ до высшихъ предѣловъ комизма. Кто непомнитъ курьезной статьи, подъ громкимъ заглавіемъ: «*Въ угоду евреямъ*», въ которой «Нов. Телегр.» выступилъ «заступникомъ за русскіе интересы», и во имя таковыхъ взывалъ къ властямъ, настаивалъ на «необходимости принять рѣшительныя мѣры» и т. п.; а между тѣмъ, все дѣло заключалось въ томъ, что содержатель буфета на Николаевскомъ бульварѣ нанялъ оркестръ музыки, который долженъ былъ играть на бульварѣ по субботамъ.

Конечно у почтеннаго буфетчика были самыя мирныя цѣли: онъ просто хотѣлъ привлечь музыкой публику

и торговать по-больше. Но публицисты «Нов. Телегр.» узрѣли въ простой торговой комбинаціи — *оскорбленіе* всего русскаго населенія Одессы, подняли гвалтъ и вынудили полицію запретить музыку на бульварѣ по субботамъ. Полиція иначе и поступить немогла, ибо, разъ поднятъ былъ гвалтъ, онъ могъ подѣйствовать заразительнымъ образомъ на босоногихъ читателей названной газеты.

И такъ, вотъ вкратцѣ исторія переворота, приключившагося съ «Нов. Телегр.». Я изложилъ его своими словами, чтобы не обременять читателя выписками изъ газеты. Но если бы кто нибудь усомнился, то такому сомнѣвающемуся я предлагаю отправиться въ публичную библіотеку и прослѣдить за №№ «Нов. Телегр.», начиная съ конца 1879 года. Если же публицисты «этой газеты» заявятъ, что «это наглая ложь», какъ они привыкли увѣрять всѣхъ и каждаго, то тогда я приглашаю ихъ выставить факты, но факты не вымышленные, а такіе, которые ясно опредѣляли бы мотивы переворота. Я же настаиваю на своемъ, что виною тутъ всему гг. Бродскій и Розенъ. Да, они, и только они виноваты и должны принять грѣхъ на душу за то, что «Нов. Телегр.» предался всецѣло интересамъ жидовства и, такимъ образомъ, превратился въ настоящую *жидовскую газету*....

VI.

«Жидовская газета» — это фактъ, неподлежащій сомнѣнію, и удивляться этому, по моему, не слѣдуетъ. Иначе вѣдь и быть не можетъ.

Нестанетъ же никто утверждать, я въ этомъ увѣренъ, что Озмидовъ бросилъ подряды по устройству городскихъ водостоковъ и принялся за изданіе газеты потому, что у него была какая нибудь «пережитая и передуманная» идея; потому, что онъ горѣлъ желаніемъ сказать міру *новое слово* или потому, что у него были какія нибудь принципіозныя задачи, кромѣ задачъ простой аферы. А если такъ, то поражаться тѣмъ, что онъ старается удовлетво-

рить *спросу*, по меньшей мѣрѣ, смѣшно. А *спросъ* вѣдь на *жидовщину*, сознайтесь, очень великъ, ахъ, какъ великъ!...

Правда, «Нов. Телеграфъ» божится, клянетъ душу и тѣло, что жидовщина ему *одинъ лишь убытокъ приноситъ*. «Нужно, говоритъ онъ, обращаясь къ автору одного совершенно невиннаго каррикатурнаго листка, быть человѣкомъ лишеннымъ всякой сообразительности, чтобы не понять, что *идти противъ евреевъ убыточно и рискованно для всякой газеты*» (№ 2010). Но вѣдь это обычный лавочническій пріемъ: «себѣ, молъ, дороже стоитъ-съ, въ убытокъ продаемъ-съ», и т. п.! Такъ всегда лавочникъ распинается, крестъ цѣлуетъ, а въ концѣ концовъ все-таки надуваетъ наивнаго покупателя. Надуваетъ и «Нов. Телегр.» своихъ наивныхъ читателей, увѣряя ихъ, что *жидовство* ему «одинъ только убытокъ приноситъ», ибо убытка тутъ никакого нѣтъ. Напротивъ жидовство для «Нов. Телегр.» не *убыточно*, а *выгодно* и вотъ почему:

Евреевъ, какъ я уже замѣтилъ въ предыдущей главѣ, никто не любитъ. Сознательно или безсознательно, заслуженно или незаслуженно — это другой вопросъ. Но фактъ нелюбви и даже ненависти—неподлежитъ никакому сомнѣнію; а разъ этотъ фактъ несомнѣненъ, то не согласятся-ли публицисты «Нов. Телегр.» съ той истиной, что «идти» противъ личности, или націи — это безразлично — «ненавидимой всѣми» не *убыточно*, а *выгодно*, и, напротивъ. защищать ненавистную личность или націю скорѣе *убыточно* и даже опасно; это доказывается той бесшабашной травлей, которую поднимаютъ каждый разъ Озмидовы и К°. противъ тѣхъ русскихъ газетъ, которыя дерзаютъ разсматривать *еврея*—какъ *человѣка*. Это. такъ сказать, логическій выводъ; а вотъ и фактическій: «Нов. Телегр.» заявлялъ не разъ, что его «антиеврейское направленіе» возбуждаетъ сочувствіе къ нему публики, а что такое это «*сочувствіе публики*» въ переводѣ на практическій языкъ— про то знаетъ всякій. Впрочемъ «Нов. Телегр.» и самъ. не дальше какъ четыре мѣсяца тому назадъ, объяснилъ это *сочувствіе* и подкрѣпилъ его цыфровыми данными.

Въ 1899 № «Нов. Телегр.» помѣщена статья, въ которой редакція хвастается передъ своими читателями ка-

кими-то оваціями, дѣлаемыми ей какими-то «доброжелателями». Тамъ разсказывается о томъ, что редакторъ и его сподвижники «получаютъ постоянно сочувственныя письма и даже адрессы». Пріемъ этотъ, къ которому не прибѣгаетъ ни одна изъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, давно практикуется Озмидовымъ. Пріемъ этотъ очень смѣшенъ и напоминаетъ собою ту «маменьку актрисы», въ пьесѣ «Какъ сыръ-боръ загорѣлся», которая увѣряетъ, что ея дочери всегда аплодируютъ, а въ Таганрогѣ такъ даже уланы изъ ея башмака шампанское пили.. Какое, въ самомъ дѣлѣ, публикѣ дѣло до «писемъ и адрессовъ», которые получаетъ редакторъ? Если онъ получаетъ десятки писемъ и адрессовъ «*сочувственныхъ*», то, вы легко можете себѣ представить, сколько онъ получаетъ «писемъ и адрессовъ» совсѣмъ инного содержанія; однако онъ о нихъ молчитъ, да оно и понятно... Но не въ томъ дѣло; я коснулся этого глупаго пріема мимо-ходомъ и именно потому, что онъ очень ужь глупъ и смѣшенъ. Но, захлебываясь отъ восторга, «Нов. Телегр.» далъ намъ и нѣсколько интересныхъ строчекъ: «Кромѣ сочувствія нашей дѣятельности и *направленію* (жидофобскому, разумѣется) *нашей газеты*, говорится въ названной статьѣ, «въ *письмахъ* и адрессахъ высказывается негодованіе по поводу ежедневныхъ памфлетовъ противъ насъ».

Расшаркавшись затѣмъ передъ своими оваторами (если они не мифъ), онъ дальше говоритъ: «Ничтожность и голословность нападокъ на «Нов. Телегр.» только усиливаютъ его *популярность* (понимаете-ли, «популярность»!), которая выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: «до появленія «дешевой газеты» «Нов. Тел.» расходился въ количествѣ 4 т. экз., а теперь онъ расходится въ количествѣ $5^1/_2$ т. до 6 т. экз.». Сопоставьте-же эту цифру съ сочувственными письмами, адрессами и оваціями и вы получите ясное понятіе объ *убыточности похода противъ жидовъ*.

Еще есть одинъ весьма вѣскій аргументъ, на основаніи котораго я утверждаю, что *жидовствовать* «Нов. Телегр.» не *убыточно*, а *выгодно*. Я глубоко убѣжденъ, что не жидовствуй онъ, ему пришлось бы закрыть свою лавочку, ибо у кого же хватило-бы здраваго смысла платить

10—12 р. за газету, которая валитъ въ нумеръ 8—10 столбцовъ перепечатокъ изъ столичныхъ газетъ. Это вѣдь неслыханно, согласитесь! Ни одинъ органъ печати еще недоходилъ до такого безстыдства! Статьи г. Аксакова, брошюры гг. Новосельскаго, Олендскаго и Леонарда можетъ быть многимъ редакторамъ пришлись по сердцу, однакоже ни одинъ изъ нихъ не рѣшится валить цѣлую тетрадку «Руси», или цѣлыя брошюры г. Новосельскаго, Олендскаго или Леонарда въ нумеръ. Совѣсти не хватитъ на такой крупный грабежъ!....

Но мало-ли на что не хватаетъ совѣсти у другихъ и на что хватаетъ у «Нов. Телегр.». Отчего же не воспользоваться? Вѣдь литературная собственность не подъ замкомъ! Плохо лежитъ, ну и.....

Я бы никогда не кончилъ, если бы вздумалъ оста навливать вниманіе читателя на каждой глупости, фальши, лжи и грубой безцеремонности «органа Сабанійской казармы». Тутъ вѣдь все въ первобытномъ, дикомъ видѣ. Страсть, необузданная, грубая страсть, преобладаетъ вездѣ: въ каждой статьѣ, въ каждой строчкѣ, принадлежащей редакціи, и о логикѣ мало кто заботится. Четыре мѣсяца тому назадъ плясали подбоченясь, праздновали «*сочувствіе* публики направленію газеты», цифры приводили и лобызались, а потомъ, забывъ все это, принимаются увѣрять ту же публику, что это *направленіе* «убытокъ приноситъ». Пойдите-же теперь разберите, когда лгали? четыре-ли мѣсяца тому назадъ, теперь-ли, или же и тогда, и теперь и въ будущемъ: *лгали*, *лгутъ* и *лгать* будутъ во славу родины и на пользу своихъ кармановъ, благо есть кого дурачить. Слишкомъ ужь публицисты «Новор. Телегр.» злоупотребляютъ.... недальновидностью своихъ «доброжелателей»!...

Ну и пусть бы ихъ злоупотребляли; никто конечно противъ этого ничего имѣть не можетъ. Но вотъ что ужь совсѣмъ скверно и на чемъ намъ остановиться слѣдуетъ,— это то, что «Новор. Телегр.», предаваясь всецѣло, систематически, до забвенія всего сущаго, интересамъ жидовства, старается убѣдить всѣхъ и каждаго, что на весь Югъ Россіи одинъ только органъ, именно онъ, «Новор. Телегр.»,

является «заступникомъ за интересы русскаго народа и представителемъ интересовъ русскаго общества».

Но этого мало! Онъ совершенно серьезно и безъ обиняковъ заявляетъ, что на всю Россію и Царство Польское «только *пять* газетъ («Нов. Время», «Русь», «Кіевлянинъ», «Варшавскій Днев.» и онъ, «Нов. Телегр.»), которыя *неподкуплены евреями и заступаются за русскіе интересы*» (№ 1999 «Нов. Телегр.»). Такимъ образомъ оказывается, что вся русская и польская пресса, до «Моск. Вѣд.» включительно, «подкуплена евреями» *).

Такъ далеко зайти по пути лжи и клеветы не рѣшится ни одинъ изъ «наиоткровеннѣйшихъ» органовъ! Но вѣдь я уже раньше доказалъ, что одесскій «литературный клоповникъ» не можетъ быть сравниваемъ ни съ кѣмъ,—онъ просто «несравненный клоповникъ». Его нравственныя качества, характеръ его дѣятельности, его помыслы, пожеланія, идеалы и принципы таковы, что было бы величайшимъ чудомъ въ мірѣ, если бы онъ допустилъ мысль, что какой нибудь органъ печати порицаетъ дикую расправу съ цѣлой націей, относится къ цѣлой націи по человѣчески и все это «безъ особаго за то вознагражденія». Знаменитый профессоръ психологіи Маудсли утверждаетъ, что всѣ нравственно поврежденные замѣчательные субъективисты; обо всемъ и обо всѣхъ судятъ *по себѣ* и *по своему*. И въ самомъ дѣлѣ, заставьте вы кокотку думать, что можно быть хорошенькой женщиной и не торговать собою! Ни за что она не допуститъ такой мысли, такъ же, какъ казнокрадъ недопуститъ мысли, что можно имѣть въ своемъ распоряженіи ключи отъ казеннаго сундука и не украсть. «Нов. Телегр.» долженъ во всемъ видѣть *субсидію* и *подкупъ*.....

*) Воображаю, какую баснословную сумму тратятъ евреи! Шутка-ли, подкупить всю русскую печать! Но вотъ что заявилъ по этому вопросу одинъ изъ депутатовъ—евреевъ, представлявшихся прошлымъ лѣтомъ гр. Кутайсову. «У евреевъ, сказалъ онъ, нѣтъ ни одной газеты на субсидіи. Если бы евреи рѣшились покупать за деньги защиту прессы, то ничего нѣтъ легче, какъ купить милость, страстность и пафосъ «Нов. Телегр.», и притомъ купить за очень дешевую цѣну».

Въ справедливости этого вывода еврейскаго депутата, послѣ приведенныхъ образцовъ устойчивости «этого органа», можетъ усомниться только самый отчаянный поклонникъ Озмидова. Авторъ.

Естественно и совершенно въ порядкѣ вещей и то, что «Новор. Телегр.» присвоиваетъ себѣ непринадлежащее ему званіе «заступника за интересы народа» и «представителя интересовъ русскаго общества», ибо этихъ самозванныхъ «заступниковъ» и «представителей» нынче такъ много развелось, что просто незнаешь куда отъ нихъ дѣваться. Но все таки не мѣшаетъ время отъ времени произвести имъ смотръ, особенно литературнымъ самозванцамъ. Ибо въ жизни самозванцы вредны лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, «присвоивъ себѣ непринадлежащее званіе или титулъ», выражаясь языкомъ «Уложенія»,—они выманываютъ у кого либо деньги или наносятъ какой-нибудь другой имущественный вредъ. Пока же самозванецъ непревращаетъ своего самозванства въ орудіе мошенничества и обмана,—онъ только смѣшенъ. Такъ напр., когда г. Озмидову вздумалось титуловать себя «инженеръ-архитекторомъ», то онъ былъ только смѣшенъ, но никому никакого вреда онъ этимъ непричинилъ, чѣмъ и объясняется то, что судъ приговорилъ его за этотъ проступокъ къ такому ничтожному наказанію, какъ выговору....

Другое дѣло—самозванецъ въ печати.... Тутъ онъ всегда и безусловно вреденъ, ибо обманъ тутъ неизмѣримъ и неуловимъ. Обманывая ежедневно и ежечасно, они до того усложняютъ нашу великую путанницу, что становится положительно невозможнымъ разобрать, гдѣ кончается лжецъ и начинается честный человѣкъ, ибо лжецъ, самымъ неожиданнымъ для васъ образомъ, возьметъ вдругъ да и выброситъ «знамя» и пріймется орать на весь «міръ честной», что онъ то и есть настоящій «заступникъ» и «представитель»!...

По этому, говорю я, и необходимо произвести смотръ нашимъ «заступникамъ» и «представителямъ»; необходимо разобраться въ этомъ безобразномъ хаосѣ; необходимо сдѣлать «перекличку», такъ сказать; и тѣхъ, у которыхъ паспорты на эти почетныя званія окажутся фальшивыми, поддѣльными,—отдать подъ судъ общественнаго мнѣнія.

Что касается «Нов. Телегр.», то у меня имѣются самые достовѣрные документы, свидѣтельствующіе, что паспортъ его на званія: «заступника за интересы русска-

го народа» и «представителя интересовъ русскаго общества» — фальшивый, имъ самымъ поддѣланный, и при томъ поддѣланный очень грубо и неумѣло.

Приступая къ обозрѣнію документовъ, мы начнемъ съ его «заступничества за интересы русскаго народа». При этомъ, я думаю, мнѣ нѣтъ надобности подробно пояснять, что подъ словомъ «народъ» слѣдуетъ разумѣть того загнаннаго и измаявшагося мужика-работника, который совсѣмъ ужь растерялся отъ чрезмѣрнаго количества «радѣтелей», друзей и опекуновъ.

Возьмемъ на выдержку хоть бы вопросъ о томъ, какъ воспользовался онъ, этотъ «работникъ», дарованной ему свободой. По этому вопросу, какъ извѣстно, установилось два взгляда. Одни, ничтожное меньшинство, тѣ, которые до сихъ поръ не могутъ забыть *прелестей крѣпостной Палашки* и *удобствъ* даровaго труда, съ легкой руки покойнаго Скарятина, увѣряютъ, что мужикъ, вышедшій изъ подъ опеки барина, въ конецъ развратился, изолгался, испился, изворовался, измошенничался и т. п. «Поэтому, говорятъ они, его, мужика, необходимо подтянуть».

Эту безобразную пѣсню господа крѣпостники тянутъ до хрипоты, до одури. Но въ послѣднее время нѣкоторые изъ нихъ устали, просто измучились; а нѣкоторые, видя, что отъ нихъ сторонятся, на смѣхъ поднимаютъ, — устыдились и пріутихли немного. Другіе, подавляющее большинство, вся русская интеллигенція, утверждаютъ совершенно противное: что мужикъ прекрасно воспользовался своей свободой; что онъ не пьяница, не воръ и не мошенникъ, а *только бѣденъ*; но «бѣдность не порокъ», добавляютъ они; ему просто нужно помочь выбиться изъ подъ крѣпостнаго ига — кулака....

На чьей же сторонѣ «Нов. Телегр.»? А вотъ послушайте, какіе ужасы онъ рисуетъ. Освобожденіе крестьянъ, по мнѣнію *передовика* этой газеты, породило «всеобщее броженіе умовъ», которое «послѣдовало тотчасъ за перемѣной отношеній между помѣщиками и бывшими ихъ крестьянами» и которое, «броженіе умовъ» т. е., дало слѣдующіе поистинѣ плачевные результаты:

«Часть помѣщиковъ потеряла вѣру въ прочность

имущества, оставшагося въ ихъ владѣніи», и эта «потеря вѣры» произошла отъ того, что «крестьяне стали толковать о своемъ правѣ завладѣть землями помѣщиковъ». Конечно, эти дерзновенные толки суть, въ свою очередь, результаты «освобожденія»; раньше вѣдь крѣпостному мужику и подумать страшно было о какомъ бы то ни было «своемъ правѣ». Но что ужаснѣе всего, такъ это то, что эти страшные «толки» мужиковъ о «своемъ правѣ» «усердно поддерживались либеральными газетами». «Дѣло, говоритъ дальше передовикъ, велось очень искусно; современные взгляды, новыя идеи, гуманныя направленія прививались очень скоро. Противорѣчія и даже сомнѣнія покрывались позоромъ. Все читало, слушало и, благодаря старой привычкѣ, безусловно вѣрило печатному слову». Въ концѣ концовъ вотъ что получилось: «*пьянство, буйство, воровство и произволъ*», и въ такой сильной степени, что даже «судебные уставы», «*благодаря своему внутреннему содержанію*, не могли искоренить въ народѣ» (замѣтьте, «въ народѣ») этихъ страшныхъ пороковъ.

«Прежде всего, утверждаетъ публицистъ-заступникъ, это (пьянство, буйство, воровство и произволъ т. е.) выяснилось въ сельской жизни и вынудило многихъ помѣщиковъ бросить хозяйства. Просьбы, жалобы, заявленія признавались за плачъ по крѣпостномъ правѣ; «либерализмъ и гуманность» (ковычки въ подлинникѣ) предпочитались справедливости и только послѣ многолѣтнихъ опытовъ и тяжкихъ испытаній (???), только теперь, не боясь позора, *перестали поклоняться всеобщему кумиру—мужику* и начинаютъ называть вещи своими именами», т. е., что мужикъ «пьяница, буянъ, воръ» и т. д.

Далѣе затѣмъ передовикъ касается судебной и земской реформъ. Какъ смотритъ «Нов. Телегр.» на эти реформы,—объ этомъ у насъ будетъ рѣчь ниже, когда намъ прійдется коснуться вопроса объ отношеніяхъ этой газеты къ судебнымъ, земскимъ, городскимъ и др. учрежденіямъ. Въ данную же минуту у насъ идетъ рѣчь о томъ, какимъ «Нов. Телегр.» представляетъ своимъ читателямъ тотъ *народъ*, «заступникомъ за интересы» котораго онъ себя именуетъ. Цитируемая мною «передовая» статья заканчивает-

ся слѣдующими патетическими строками: «Если дурно вымытые воротнички, невкусно приготовленный супъ, не подметенныя комнаты вызываютъ массу проэктовъ *для обузданія* (замѣтьте, «для обузданія»; *подтянуть*, значитъ, нужно) городской прислуги, то что сказать о *сельскихъ рабочихъ*, которые, не исполняя принятыхъ на себя обязанностей, *производятъ пожары*, *заразы и падежи сельскихъ животныхъ*, *уничтоженіе хлѣбовъ и много другихъ золъ*, раззоряющихъ сельскихъ хозяевъ и причиняющихъ неисчислимые убытки всему государству»?... (№ 1797 «Нов. Телегр.»).

Ахъ, страсти какія! Бѣдные помѣщики! Просто вчуже жаль ихъ становится, какъ подумаешь, какъ обижаетъ ихъ *пьяница*, *буянъ*, *воръ* и *мошенникъ—мужикъ*! И все это, по мнѣнію публицистовъ «Нов. Телегр.», надѣлала «воля», «либеральныя газеты» да «прогресисты». Чтобы имъ пусто было!...

Но еще въ болѣе ужасномъ, въ болѣе возмутительномъ и болѣе отвратительномъ видѣ рисуется тотъ же *народъ*, т. е. «народъ-работникъ», въ другой *передовой* статьѣ того-же «Нов. Телегр.», въ которой затронутъ близкій сердцу крѣпостниковъ, такъ наз., рабочій вопросъ. Тутъ такія мрачныя краски, что просто «страшно становится за человѣка», и ежели, на самомъ дѣлѣ, не будутъ приняты мѣры къ «обузданію», то скоро, пожалуй, настанетъ свѣтопреставленіе....

Статья озаглавлена: «Язвы сельскаго хозяйства». «Язвы» эти, по мнѣнію *передовика*, созданы «нашими руководителями общественнаго мнѣнія при помощи литературы» (и тутъ литература!—далась она имъ). Удостовѣряя затѣмъ, что будто бы діагнозъ этимъ «язвамъ» уже сдѣланъ, что «причины уже отысканы, и мѣры принятыя (рѣчь идетъ о мѣрахъ 1879 года) къ излеченію настолько радикальны, что, вѣроятно, всѣ омерзительныя затѣи нашихъ прогрессистовъ (ужасные люди—эти прогресисты!), кромѣ печальныхъ страницъ въ современной исторіи, никакихъ другихъ послѣдствій неоставятъ» *), публицистъ-«заступникъ»

*) Къ величайше у прискорбію публицистовъ «Нов. Телегр.», эти радикальныя мѣры» уже отмѣнены и правительство, вмѣсто различныхъ «обуздываній», напротивъ, предприняло рядъ реформъ, такъ что, пожалуй, мужикъ еще больше развратится.

переходитъ затѣмъ къ подробному исчисленію *мужицкихъ пороковъ*:

«Всеобщая (замѣтьте, «всеобщая!») распущенность и полная возможность безнаказанно извлекать личныя выгоды при помощи *лжи, мошенничества, неисполненій условій и обязательствъ; словомъ, полнѣйшій хаосъ и произволъ существуетъ среди сельскаго люда*».

Рисуя дальше картину найма рабочихъ въ волости, авторъ говоритъ:

«Такъ какъ сдѣлки (между помѣщиками и рабочими) продолжаются отъ Рождества вплоть до поста, то *въ селѣ*, точно въ городѣ. *весь зимній сезонъ состоитъ изъ безконечнаго ряда всевозможныхъ наслажденій, какъ для начальства (сельскаго), такъ и для нанимающагося, а съ окончаніемъ пріятнаго время-препровожденія оканчивается и задатокъ*». Тутъ-то и начинается настоящая драма, въ которой роль угнетенной добродѣтели досталась на долю помѣщика, а роль злодѣя играетъ мужикъ. Тутъ: и «разбѣжавшійся табунъ», потому что табунщикъ напился пьянымъ (помѣщикъ никогда не напивается), и «плуги оказываются поломанными, и воловъ на мѣстѣ работъ не оказывается, и водовозъ, доставляющій рабочимъ воду, зацѣпилъ водовозку за уголъ хаты, сломалъ ось, отъ чего рабочіе остались безъ воды и бросили работу; а въ результатѣ всѣ остались въ выгодѣ»; потому что, какъ потомъ оказывается, водовозъ и рабочіе просто мошенники: они были въ заговорѣ противъ помѣщика, т. е. рабочіе подкупили водовоза, а онъ за «обѣщанный магаричъ» нарочно сломалъ водовозку. Далѣе описывается «побѣгъ отъ полевыхъ работъ», при чемъ, по увѣренію автора, бѣжавшіе «размѣщаются по кабакамъ, гдѣ изучается чрезвычайно подробно рабочій вопросъ». Всѣ эти ужасы, по увѣренію автора, суть «продуктъ послѣдняго времени». «Прежде хоть волость, полиція, особенно мировые посредники облегчали горькую участь злосчастнаго помѣщика, но «въ послѣднее время, говоритъ онъ, либералы сказали, что будто мужикъ уже понялъ свое человѣческое достоинство (и тутъ «либералы»; о, проклятые!)

и вполнѣ справедливо чувствуетъ себя полноправнымъ гражданиномъ». А полноправное гражданство, извѣстно, до чего доводитъ! Вонъ французы такъ даже Бога не признаютъ!...

А тутъ еще въ довершеніе всѣхъ помѣщичьихъ бѣдствій (слушайте, ради Богда!) *«крестьяне расширяютъ свое хозяйство чрезвычайно замѣтно»* (1395 № «Нов. Телегр.»). Ну это ужъ дѣйствительно ни на что не похоже!...

Добавьте къ этому еще одну «передовую» статью по вопросу «о народномъ кредитѣ», въ которой авторъ, ссылаясь на неудачный примѣръ ссудо-сберегательныхъ кассъ, убѣждаетъ своихъ читателей, что «ни краткосрочный, ни долгосрочный кредитъ не могутъ считаться средствомъ къ поднятію уровня крестьянъ-земледѣльцевъ»; что, на оборотъ, «покупка крестьянами земель при помощи долгосрочнаго кредита только ускоритъ обезземеленіе многихъ крестьянъ». Если вы, говорю я, добавите и эту статью, то картина «заступничества» «Нов. Телегр.» «за интересы русскаго народа» будетъ полная....

Мнѣ, пожалуй, могутъ сказать, что публицисты «Нов. Телегр.» не первые и не изъ послѣднихъ въ этомъ родѣ. Но это невѣрно, ибо хотя «заступниковъ» въ такомъ жанрѣ и очень много среди публицистовъ извѣстнаго сорта; хотя всѣ они и именуютъ себя «народолюбцами» и требуютъ во имя того же «народолюбія» различныхъ «мѣръ», — но за то никто изъ нихъ не аттестовалъ *народа* «пьяницей», «воромъ», «мошенникомъ», «обманщикомъ», «буяномъ» и т. под.! Такимъ образомъ публицисты «Новороссійскаго Телеграфа» и въ этомъ случаѣ стоятъ совершенно особнякомъ, являются, такъ сказать, единственными экземплярами въ своемъ родѣ.

Коментаріи тутъ совершенно излишни. Я отъ души желалъ бы только, чтобы редакторъ «Нов. Тел.», предпринявшій теперь изданіе *дешевой* газеты, «народной», какъ онъ назвалъ свой вечерній «Новор. Лист. Объявл.», имѣющій чисто коммерческое предназначеніе,—распорядился-бы, чтобы выше цитированныя передовыя статьи «Нов. Телегр.» были перепечатаны цѣликомъ въ названной «народной газетѣ», и, если таковая на самомъ дѣлѣ дойдетъ до «села» и *народа* дѣйствительно станетъ ее читать, какъ воображаетъ «пред-

приниматель», тогда онъ, этотъ опекаемый публицистами «Нов. Телегр.» *народъ*, узнаетъ, кто его «заступники»!.. Право-же, г. Озмидовъ, перепечатайте! Вѣдь вы по части перепечатокъ мастеръ!...

VII.

Въ такомъ же точно видѣ является «Нов. Телегр.» въ роли «представителя интересовъ русскаго общества», причемъ въ этомъ случаѣ *интересы общества* еще больше перепутались съ *интересами редактора*, его сподвижниковъ, и въ такой сильной степени, что трудно бываетъ подчасъ разобрать, гдѣ кончается личная злоба, личная месть, личные счеты и начинается общественная польза, общественныя нужды и общественное благо.

Пророчество трехъ сотрудниковъ вполнѣ сбылось. «Нов. Телегр.» дѣйствительно изъ органа *общественнаго* превратился въ органъ *личности*, что будетъ доказано ниже. Теперь же мы посмотримъ, какъ онъ относится къ интересамъ русскаго общества, *представителемъ* которыхъ онъ себя именуетъ. И въ этомъ случаѣ мнѣ нѣтъ надобности пояснять подробно, что всѣ, *самые дорогіе* интересы русскаго общества, заключаются въ тѣхъ реформахъ послѣдняго двадцати-пятилѣтія, которыя дали ему, этому прежде безправному и безличному русскому обществу, право самоуправляться во всѣхъ сферахъ его экономической и соціальной жизни. Права эти, правда, ограничены въ сильной степени, но общество все таки дорожитъ ими и ходатайствуетъ о расширеніи ихъ. На это въ послѣднее время обращены всѣ усилія, всѣ помыслы русскаго общества и никто, изъ самыхъ злѣйшихъ враговъ его, не рѣшается осуждать общество за это! Никто не осмѣливается требовать еще большаго ограниченія правъ русскаго общества...

Никто! Но «Нов. Телегр.» *осуждаетъ*, забрасываетъ грязью эти честные помыслы и самымъ категорическимъ образомъ *требуетъ не расширенія правъ, а ограниченія* таковыхъ. Возьмемъ напр.

Земскія учрежденія.

Общество, земства всей Россіи и вся русская пресса. *безъ различія направленій*, единогласно признаютъ, что всѣ неурядицы въ земскомъ хозяйствѣ, всѣ единичные случаи злоупотребленій коренятся въ привилегіи *имущественнаго ценза*, благодаря которому интеллигентныя силы общества лишены права участія въ выборахъ и веденія этого хозяйства. Публицистъ же «Нов. Телегр.» находитъ наоборотъ, что въ уѣздныя земства «избираются обыкновенно лица, находящіяся наканунѣ банкротства, а въ губернскія—лица, окончательно обанкротившіяся», именно потому, что

«Законъ объ *имущественномъ цензѣ игнорируется* все больше и больше, а въ послѣднее время дошло до того, что раззорившіеся помѣщики, продавъ свои земли и при помощи различныхъ сдѣлокъ, продолжая числиться по канцелярскимъ книгамъ собственниками, не стѣсняются, при помощи фиктивнаго ценза, занимать общественныя должности, и, какъ незаинтересованные ведутъ край ко всеобщему раззоренію» (№ 1797 «Нов. Телегр.»).

Значитъ «заинтересованными» *передовикъ-представитель* считаетъ только обладателей имущественнаго ценза, законъ о которомъ, разумѣется, необходимо не только возстановить, но и еще больше расширить. Тогда, о! тогда земскія учрежденія будутъ состоять изъ однихъ только бароновъ да ландграфовъ временъ *барщины* и *кнута*, которые, съ помощью управляющихъ, въ родѣ Фишера, обуздаютъ мужика и спасутъ край отъ «всеобщаго раззоренія». Что выводъ мой непроизвольный, а составляетъ самые сокровенные помыслы публициста «Нов. Телегр.», видно изъ его заключительныхъ строкъ, въ которыхъ онъ выражаетъ надежды, что «существующій порядокъ, ухудшаясь годъ отъ году, рано или поздно вынудитъ общество призвать къ дѣятельности людей *съ другими направленіями*». Кого передовикъ разумѣетъ подъ «людьми съ другими направленіями», видно изъ всей его статьи, въ которой «либераламъ» досталось порядкомъ таки.

VIII.

Судебныя учрежденія.

Судъ присяжныхъ—одно изъ самыхъ совершенныхъ учрежденій, выращенныхъ на Западѣ и съ такимъ успѣхомъ привившееся на нашей почвѣ. Судъ присяжныхъ—это судъ народной совѣсти, передъ которымъ нѣтъ ни сословныхъ, ни имущественныхъ различій. Онъ почти неимѣетъ враговъ, за исключеніемъ той горсти «безшабашныхъ», для которыхъ только и свѣта, что въ «хлѣву». Нечего, конечно, говорить, какъ дорого это учрежденіе для русскаго общества! Какъ же относится «Нов. Телегр.» къ нему?

Я бы, конечно, могъ привести цѣлый рядъ статей, фельетоновъ и замѣтокъ, появившихся за послѣдніе два года въ «Нов. Телегр.», которые представили бы читателю цѣльную и чрезвычайно интересную картину, какъ органъ этотъ обобщалъ единичные случаи и врывался безцеремонно въ «святую святыхъ» народной совѣсти; какъ онъ клеймилъ и грязнилъ это учрежденіе въ передовыхъ статьяхъ и какъ онъ издѣвался надъ цѣлымъ институтомъ присяжныхъ въ фельетонахъ. Но, во-первыхъ, этихъ статей и фельетоновъ такая масса, что мнѣ пришлось бы запрудить ими всю остальную часть очерка; во вторыхъ, въ этой массѣ матеріала страшный хаосъ и путанница; тутъ такъ страшно смѣшались интересы *лицъ* съ интересами *общества*, что нѣтъ никакой возможности оріентироваться; просто самъ чертъ ногу сломалъ-бы, и въ третьихъ, я увѣренъ, что интеллигентная читающая публика хорошо помнитъ все то, что писалось въ «Нов. Телегр.» противъ института присяжныхъ, особенно въ первой половинѣ 1880 года послѣ оправданій: Шантыря, застрѣлившаго свою вѣроломную любовницу и пустившаго себѣ двѣ пули въ ротъ; Трешатнаго, который совершилъ такое-же преступленіе и который до сихъ поръ находится въ домѣ умалишенныхъ, и Качку, оправданную московскимъ судомъ присяжныхъ.

Читатели помнятъ, какъ эти единичные случаи были обобщены «Нов. Телегр.» и какими комами грязи газета швыряла въ весь русскій институтъ присяжныхъ. Я пом-

ню, какъ глубоко возмущено было общество этой грязью и потому ограничусь одной лишь выдержкой изъ «Нов. Телегр.» по этому вопросу, которая, тѣмъ не менѣе, настолько характерна, что ее одной совершенно достаточно для иллюстраціи отношенія органа Озмидова къ «интересамъ русскаго общества».

Статья эта появилась въ газетѣ, послѣ цѣлаго ряда такихъ же глумливыхъ статей и фельетоновъ противъ института присяжныхъ и написана она по поводу одной драки между пьяными: зятемъ и тестемъ, гдѣ-то въ предмѣстьи города; дракѣ, въ которой тесть нанесъ сильные побои зятю, отъ которыхъ послѣдній умеръ. Заглавіе статьи: «Опять звѣрская расправа». *Расправа* на самомъ дѣлѣ *звѣрская*, но всякій, мало-мальски разумный человѣкъ, спроситъ: «да причемъ же тутъ весь русскій судъ присяжныхъ?»

А вотъ посмотрите, какъ органъ печати, именующій себя «представителемъ», поистинѣ «звѣрски расправляется съ лучшимъ въ Россіи учрежденіемъ:

«Опять разгулялся необузданный самосудъ на улицѣ, среди бѣлаго дня, въ присутствіи большой толпы народа. Свидѣтели страшнаго побоища смотрѣли на эту сцену безмолвно; они возмущены были безчеловѣчными истязаніями несчастной жертвы, но не считали себя вправѣ спасти ее отъ гибели, твердо памятуя, что если присяжныя засѣдатели заурядъ оправдываютъ явныхъ убійцъ, то уличнымъ разбойникамъ и Богъ велѣлъ оставаться безнаказанными. И вотъ поединокъ неравносильныхъ субъектовъ окончился смертью избитаго, такъ какъ ему никто не оказалъ помощи и защиты. Убійца будетъ обвиняться въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ, послѣдствіемъ которыхъ была смерть потерпѣвшаго. Эксперты-врачи признаютъ, что побои не принадлежатъ къ тяжкимъ; на подмогу имъ выступитъ психіатръ, которому собакъ недовѣряютъ лечить, со своими «психозами», «аффектами», «изступленіемъ» и т. п., а приговоромъ присяжныхъ во сто первый разъ сказано будетъ: «нѣтъ, не виновенъ», т. е.: «иди, молодецъ, и бей направо и налѣво; ты понимаешь насъ и кара суда тебя никогда не постигнетъ....«

Редакція, какъ видите, проникла въ тайные помыслы толпы — свидѣтелей побоища и констатируетъ фактъ, что

толпа не защищала жертвы единственно потому, что она «не считала себя вправѣ спасти ее отъ гибели, твердо памятуя, что если присяжные оправдываютъ явныхъ убійцъ» и т. д. Затѣмъ приплетенъ «экспертъ-психіатръ, которому собакъ недовѣряютъ лечить» *) и, наконецъ, судъ присяжныхъ, который «всегда своими приговорами говоритъ убійцѣ: «иди, молодецъ, и бей направо и налѣво; ты понимаешь насъ» и т. д.! Значитъ между русскимъ судомъ присяжныхъ и «молодцами—убійцами», посредствомъ приговоровъ, установилась какая то безмолвная солидарность и они «понимаютъ другъ друга». Вотъ въ какомъ видѣ является на страницахъ «Нов. Телегр.» воспитательное значеніе новаго суда....

Трудно, въ самомъ дѣлѣ, придумать что нибудь болѣе безумное и болѣе нелѣпое. Но вѣдь эту нелѣпость читаетъ толпа, выдѣляющая изъ среды своей присяжныхъ судей. Вообразите же себѣ этихъ судей совѣсти, воспитанныхъ на подобной морали! Вообразите себѣ, что несчастье посадило васъ на скамью подсудимыхъ (а вѣдь никто, ни одинъ изъ смертныхъ отъ этого не застрахованъ), вообразите себѣ, говорю я, все это и скажите: захотѣли-ли бы вы судиться въ день появленія въ газетѣ подобной статьи? Я бы спросилъ самого редактора этой газеты, что сказалъ бы онъ присяжнымъ, если бы онъ самъ былъ поставленъ въ положеніе подсудимаго? А вѣдь это положеніе возможно было! Пусть онъ себѣ представитъ, что въ то время, когда онъ дрался съ городовымъ Безгинымъ, онъ поломалъ свою толстую палку не на спинѣ полисмена, а на головѣ его. Пусть онъ себѣ представитъ, что одинъ изъ его ударовъ попалъ не въ бокъ Безгину, а въ високъ и побитый Богу душу отдалъ. Такъ-ли бы онъ тогда заговорилъ съ присяжными и психіатромъ?,..

Мировой судъ. Этотъ чисто народный судъ такъ же дорогъ для русскаго общества, какъ и судъ присяжныхъ и

---

*) Тутъ-то именно и «похороненъ песъ», какъ говорятъ нѣмцы. Я сильно подозрѣваю, что судъ присяжныхъ пострадалъ въ данномъ случаѣ по винѣ извѣстнаго «психіатра», котораго редакторъ имѣлъ въ виду и съ которымъ нужно было свести личные счеты. Авт.

также можетъ считаться лучшимъ изъ учрежденій, созданныхъ новыми реформами. Правда, въ судебно-мировой «семьѣ не безъ уродовъ»; но въ этомъ виноватъ не весь мировой институтъ и не общество, выдѣляющее изъ среды своей контингентъ мировыхъ судей, а тѣ же стѣснительныя условія, въ которыя поставлено избирательное право, находящееся въ зависимости отъ имущественнаго ценза.

Это сознало само общество, это сознала вся русская печать. Но никто: ни русское общество, ни русская печать, безъ различія направленій, не желали и не желаютъ устраненія уродливыхъ явленій, встрѣчающихся на практикѣ, путемъ полицейскихъ мѣръ. Никто: ни общество, ни даже само правительство не желали и не желаютъ отдавать весь мировой институтъ подъ надзоръ полиціи; а вотъ «Нов. Телегр.» такъ не только *желаетъ*, но и *требуетъ*. Вы думаете, я шучу? Нисколько. Такъ таки прямо «подъ надзоръ полиціи» и при томъ весь русскій мировой институтъ. Требованіе это выражено въ *редакціонной передовой статьѣ*, которую я привожу цѣликомъ, предпославъ ей слѣдующее краткое объясненіе.

Рѣчь идетъ о смутномъ времени 1879 года, когда правительству приходилось вести борьбу съ невидимымъ врагомъ и когда всякая чрезвычайная мѣра оправдывалась чрезвычайными обстоятельствами. Въ это-то смутное время, вслѣдствіе того, что въ одномъ изъ политическихъ процессовъ фигурировалъ одинъ мировой судья, послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы списки лицъ, избранныхъ въ мировые судьи, представлялись-бы на утвержденіе сенату не иначе, какъ съ отмѣтками административнаго начальства.

Смыслъ этого распоряженія былъ ясенъ; имѣлась въ виду одна лишь политическая благонадежность избираемыхъ и всякій пойметъ, съ какою болью въ душѣ была встрѣчена эта крайняя мѣра русскимъ обществомъ, хотя оно сознавало, что это распоряженіе *временное* *) и, быть можетъ, необходимое.

---

*) Распоряженіе это было отмѣнено черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.
Авт.

Не такъ, однакоже, посмотрѣлъ на эту крайнюю мѣру «Нов. Телегр.». Онъ, именующій себя «представителемъ», не только не отразилъ на своихъ столбцахъ болѣзненнаго настроенія общества, но, напротивъ, *возликовалъ* и привѣтствовалъ эту крайнюю мѣру съ восторгомъ, увѣряя, что эти восторги не его личные, а само-де общество «давно ее ожидало» и восторгается....

Передовая статья озаглавлена: «Давно ожидаемая въ Одессѣ новость».

«Вчера ночью, говорится дальше въ текстѣ, телеграфъ принесъ намъ весьма важное административное распоряженіе, касающееся *замѣщенія должностей по земскимъ и городскимъ учрежденіямъ* (подчеркнуто мною). Правительство вынужденно, въ видѣ временной мѣры, принять на себя контроль надъ мировыми судьями. У насъ, въ Одессѣ такое распоряженіе давно ожидалось *) и нѣтъ сомнѣнія, что люди серьезные, дорожащіе *прочнымъ, послѣдовательнымъ прогрессомъ* (чепуха-то какая, Господи, Твоя воля!) нашего отечества, *не пустые фразеры* и *лже-либералы* (а лже-патріоты, добавлю я) *съ радостью встрѣтятъ это распоряженіе* (О, горе тебѣ, отечество, съ такими патріотами!..).

«Мы не разъ говорили, что, къ стыду нашему, (дѣйствительно стыдно за русское печатное слово!) *на дѣлѣ не разъ оказывалось*, что мы неумѣемъ *пользоваться самоуправленіемъ, и что необходимъ еще правительственный контроль* **)».

«У насъ въ Одессѣ нѣкоторые мировые судьи (т. е. тѣ, которые имѣли несчастье разбирать процессы Озмидова съ прислугой, репортерами, квартирантами и т. п.) давно возбуждали противъ себя общественное мнѣніе и мы не разъ сообщали о такихъ рѣшеніяхъ, которыя слишкомъ ярко бросались въ глаза, и противъ которыхъ граждане (т. е. Озмидовъ) немогли предпринять никакихъ мѣръ, такъ какъ подобныя рѣше-

---

*) Разумѣется ни кѣмъ неожидалось, кромѣ самаго Озмидова, которому мировые судьи порядкомъ таки насолили.

**) Пожалуйста, читатель, удержите въ памяти это собственное признаніе органа. Онъ сознается, что онъ не разъ говорилъ о томъ, что «мы, не умѣемъ пользоваться и о необходимости контроля». Я лично совершенно раздѣляю этотъ упрекъ русскому обществу; оно его заслуживаетъ и контроль тоже нуженъ, если оно терпитъ и даетъ жизнь такимъ органомъ печати, какъ «Нов. Телегр.» Авт.

нія большею частью бываютъ окончательныя. **«У насъ, между мировыми судьями есть такіе** (слушайте, слушайте!), **которые считали за особенное удовольствіе оправдывать лицъ обвиняемыхъ полиціей** (помните, что это писалось въ 1879 году *въ Одессѣ*) **и всегда почти присуждали рабочимъ и прислугѣ двойное незаслуженное жалованье по совершенно незаслуженнымъ искамъ.** *Законъ напр запрещаетъ доказывать гражданскіе иски свидѣтельскими показаніями, а нѣкоторые мировые судьи присуждаютъ»* и т. д. *).

«Повторяемъ, у насъ въ городѣ (т. е. въ домѣ Сабаній-скаго переулка) часто слышались жалобы на мировыхъ судей и потому *вмѣшательство администраціи необходимо* (это для защиты интересовъ редактора «Нов. Телегр.»)! «*Но для того чтобы представители администраціи могли слѣдить за дѣйствіями мировыхъ судей* (Бога ради, слушайте!), **газеты обязаны** (понимаете-ли, «обязаны»!) **сообщать** (доносить, т. е.) **о такихъ рѣшеніяхъ, которыя возмущаютъ общественную совѣсть** (вѣрнѣе, совѣсть Озмидова); **иначе какъ же администраціи услѣдить за нравственными качествами мировыхъ судей?»** (1395 № «Нов. Телегр.»)

Я дважды подчеркнулъ нѣкоторыя мѣста статьи, потому-что онѣ превосходны! Я привелъ всю статью цѣликомъ, потому-что она больше чѣмъ превосходна!

Цѣль правительственнаго распоряженія, повторяю, ясна до очевидности. Имѣя въ виду одну лишь политическую благонадежность избираемыхъ, правительство вовсѣ не желало брать подъ полицейскій надзоръ судейскую дѣятельность всего мироваго института, ибо для неправильныхъ дѣйствій мироваго судьи есть перевершающая эти дѣйствія инстанція—Мировой Съѣздъ и контролирующая инстанція—Сенатъ.

Но «Нов. Телегр.» или, вѣрнѣе, редакторъ его требуетъ взятія подъ надзоръ полиціи всю судейскую дѣятельность всего русскаго мироваго института, а для того что-

---

*) Такъ вотъ гдѣ суть! Можно пари держать, что статья эта написана вскорѣ послѣ какого нибудь пр и раннаго нс а редакторомъ «Нов. Тел.», и онъ, по обыкновенію, смѣшалъ интересы своей кухни съ интересами русскаго общества. Авт.

бы это требованіе соотвѣтствовало правительственному распоряженію, онъ, между всѣмъ и прочимъ, доноситъ, что «есть-де мировые судьи, которые *за особенное удовольствіе считаютъ* оправдывать лицъ обвиняемыхъ полиціей и всегда почти присуждаютъ рабочимъ и прислугѣ двойное незаслуженное жалованье». Конечно, такія дѣянія въ то смутное время могли вполнѣ подойти подъ понятіе о неблагонадежности.

До крайности нелѣпо, до крайности безобразно и возмутительно! Возмутительно не то, что органъ Озмидова *требуетъ* полицейской опеки надъ русскимъ мировымъ судомъ, а то, что это требованіе предъявляется *отъ имени* русскаго общества и что *требующіе* объявляютъ себя «представителями интересовъ» этого общества!

Я думаю, что никто, даже самъ редакторъ «Нов. Телегр.», не вправѣ упрекнуть меня въ томъ, что фактовъ, выставленныхъ мною для характеристики «заступничества» «Нов. Телегр.» «за интересы русскаго народа» и «представительства интересовъ русскаго общества» — недостаточно, или зато, что эти факты не убѣдительны; но, тѣмъ неменѣе, прежде чѣмъ подвести итогъ всему сказанному, я не могу обойти молчаніемъ еще нѣкоторыхъ фактовъ, неменѣе важныхъ и неменѣе убѣдительныхъ, которые еще ярче освѣщаютъ картину и еще больше убѣждаютъ насъ, что три сотрудника, письмо которыхъ я привелъ вначалѣ очерка, явились «пророками въ своемъ отечествѣ», ибо «Нов. Телегр.» за послѣдніе два года окончательно сталъ *органомъ лицъ*, а *личности* редактора-издателя по преимуществу.

IX.

На бѣду и погибель всѣхъ одесскихъ типографовъ, «Нов. Телегр.» завелъ собственную типографію», которая принимаетъ частные заказы. На первый взглядъ предосудительнаго въ «собственной типографіи» еще ничего нѣтъ.

Мало-ли газетъ печатается въ «собственныхъ типографіяхъ»? Ничего также предосудительнаго нѣтъ (тоже на первый взглядъ) и въ томъ, что типографія «Нов. Телегр.» принимаетъ частныя работы. Отчего-же не конкурировать?

Но все это *на первый взглядъ* такъ кажется. На самомъ же дѣлѣ, «собственная типографія» «Нов. Телегр.» конкурентъ *необыкновенный*, ибо она не признаетъ «законовъ свободной конкуренціи». Имѣя такого всесильнаго покровителя какъ «Нов. Телегр.», типографія Озмидова является на рынокъ *спроса* вооруженная такими орудіями, передъ которыми глупая «свода выбора» падаетъ ницъ. И наоборотъ, типографія, въ свою очередь, связываетъ очень часто (слишкомъ даже часто) своего «покровителя» по рукамъ и по ногамъ и заставляетъ его иногда говорить не то, что онъ хотѣлъ бы сказать, или же, если онъ и рѣшается иногда (очень рѣдко, впрочемъ) говорить противъ интересовъ «покровительствуемой», то рѣчь его въ этихъ случаяхъ очень похожа на рѣчь заики, а не то, гляди, и совсѣмъ поперхнется да и замолчитъ. Такъ это и знаютъ всѣ. Если кому нибудь нужно заполучить снисхожденіе или расположеніе «Нов. Телегр », то стоитъ только сдѣлать заказъ въ типографіи и дѣло въ шляпѣ...

Кто напримѣръ не помнитъ, какъ относился «Нов. Телегр.» къ предпріятію, называемому «Дезировкой» («Дезировкой» мѣстное нарѣчіе окрестило ту часть городск. сада, гдѣ лѣтомъ даются кафешантанныя представленія). Если же кто не помнитъ, тому я предлагаю заглянуть въ лѣтніе нумера этой газеты за 1880 годъ. Богъ мой! Чего только тамъ не было! И неприличное мѣсто, куда порядочному семейству заглядывать не слѣдуетъ, и кухня въ саду обдающая угаромъ публику, и столъ чертъ знаетъ какой; а ужь о трупѣ и говорить нечего. Ей доставалось на орѣхи. Но вотъ нашелся добрый человѣкъ и посовѣтовалъ г. Дезирову «бить челомъ» «собственной типографіи» заказомъ. Онъ послушался добраго совѣта. Дѣло было улажено; имя г. Дезирова было занесено въ алфавитъ заказчиковъ, и какъ только этотъ обрядъ былъ исполненъ въ нижнемъ этажѣ дома Сабанійскаго переулка, такъ сейчасъ дано было знать по телефону въ верхній этажъ и въ 1881

ненависть къ нему, и что настоящій очеркъ есть ничто иное, какъ *личная месть*. Въ-третьихъ, онъ употребитъ въ дѣло измышленія и инсинуаціи и сдѣлаетъ изъ нихъ выводъ, что я-де не имѣю права говорить о немъ потому... Ну, потому, что я «тотъ, который» и т. д.; т е. таже ложь, таже клевета, которыя такъ много разъ фигурировали на страницахъ этой газеты; а затѣмъ послѣдуетъ ругань. Собственно руганью, сильной, бьющей въ носъ и въ глаза руганью, онъ закончитъ и успокоится. Такія статьи значатся въ редакціонномъ лексиконѣ подъ буквою «О» и называются, на языкѣ редакціи «Нов. Телегр.», «отпарировать». Терминъ этотъ принадлежитъ самому редактору и нѣтъ ни одной очевидности, ни одного факта, ни одной истины, противъ которыхъ онъ бы не возражалъ. Какъ онъ возражаетъ: логично-ли, справедливо-ли, фактически-ли, —это до него не касается. Ему нужно, для его личнаго спокойствія, «отпарировать» и онъ «парируетъ». Ахъ, да, я опустилъ еще одно изъ виду. Держу пари, что онъ заявитъ о томъ, что этотъ очеркъ вызвалъ: *письма*, *адрессы* и *оваціи* редактору и его приснымъ. Ахъ, какъ я ихъ изучилъ! Какъ я превосходно знаю всѣ ихъ помыслы!... Я напр. знаю, что «Нов. Телегр.» станетъ утверждать, что вся суть его *заступничества* и *представительства* заключается въ его жидобитіи. Но если признать это жидобитіе *заступничествомъ за интересы русскаго народа и представительствомъ интересовъ русскаго общества*, то тогда эти почетныя званія необходимо присвоить и тѣмъ, которые били *жидовскія* стекла и рвали *жидовскія бебехи*, ибо большой разницы между тѣмъ, что творилось и творится на страницахъ «Нов. Тел.» и тѣмъ, что творилось въ маѣ на толкучемъ рынкѣ, я не вижу.

Я это вовсѣ не говорю изъ желанія защищать интересы *жидовства* и порицать дѣятельность тѣхъ органовъ печати, кои именуютъ себя «жидофобскими» и выставляютъ недостатки этой націи. Я только хочу сказать, что и въ этомъ отношеніи «Нов. Телегр.» стоитъ особнякомъ. Я хочу предложить премію тому, кто мнѣ укажетъ хоть одну статью, не перепечатку конечно, а оригинальную, принадлежащую лично «Нов. Телегр.», которая не была бы жал-

кимъ наборомъ фразъ изъ статей «Нов. Вр.», «Кіев.» и «Руси», а главное, которая освѣтила бы хоть одинъ самый крохотной уголокъ этого темнаго царства, называемаго «еврейскимъ вопросомъ». Я такой статьи въ «Нов. Телегр.» не встрѣчалъ, обозрѣвая эту газету нумеръ за нумеромъ за всѣ семь лѣтъ; а то, что я встрѣтилъ за послѣдніе два года, представляетъ собою именно такую же картину, какую я видѣлъ 5 мая на толкучемъ рынкѣ, чего, воля ваша, нельзя назвать «заступничествомъ за интересы русскаго народа».

X.

Пора, однакоже, покончить! Подведемъ итогъ всему сказанному. И такъ:

1. Если «Нов. Телегр.» станетъ вамъ говорить о своемъ «охранительствѣ», то вы, указавъ на факты, изложенные на 20 и 21 стр., кричите ему, что онъ фарисей и что охранитель онъ фальшивый и лицемѣрный.

2. Если «Нов. Телегр.» станетъ васъ увѣрять, что онъ бьетъ *жидовъ* по принципу, то вы, указавъ на факты, на стр. 28—41 изложенные, отвѣчайте ему, что онъ фарисей и что его *жидобитіе* фальшиво!

3. Если «Нов. Телегр.» станетъ васъ увѣрять, что онъ «заступникъ за интересы русскаго народа», то вы, указавъ на факты, на страницахъ сего очерка изложенные, и ежели вы дѣйствительно и искренно любите народъ, то креститесь и молите Бога, чтобы онъ его избавилъ отъ такихъ друзей и заступниковъ.

4. Если «Нов. Телегр.» станетъ и въ будущемъ именовать себя «представителемъ интересовъ русскаго общества», то вы, на основаніи документовъ внесенныхъ на страницы этого очерка, хватайте этого самозванца, тащите въ судъ своей совѣсти и уличайте его во лжи и самозванствѣ.

5. Если вамъ «Нов. Телегр.» скажетъ, что онъ ор-

ганъ «политическій, экономическій и литературный», то вы спѣшите отвернуться..... Но:

Если вамъ «Нов. Телегр.» скажетъ, что онъ—*отличался* либерализмомъ въ 1878 году такъ же, какъ онъ *отличается* теперь патріотизмомъ и охранительными тенденціями, то вы ему въ этомъ вѣрьте, потому-что это правда!

Если «Нов Телегр» вамъ скажетъ, что онъ цѣловался съ *жидами* въ 1877—1879 годахъ потому что это *выгодно* было, а въ 1880—1881 годахъ задаетъ имъ трепку тоже *по выгодной цѣнѣ*, то вы ему тоже вѣрьте, потому-что это правда!

Если вамъ «Нов. Телегр.» скажетъ, что онъ обзываетъ весь русскій народъ *пьяницей, воромъ, мошенникомъ* и *негодяемъ* не по принципу, не по убѣжденію, а потому-что это нравится крупнымъ кадыкамъ крѣпостной закваски, то вы ему вѣрьте.

Если «Нов. Телегр.» вамъ скажетъ, что онъ бросаетъ грязью въ цѣлое земское учрежденіе, въ «либераловъ» и «прогрессистовъ», не потому-что онъ убѣжденъ, что они заслуживаютъ быть загрязненными и заклейменными, а потому-что либералы и прогрессисты-земцы не гладятъ его по головкѣ за его направленіе и его дѣятельность,—то вы ему вѣрьте такъ же, какъ вы можете ему вѣрить насловo, что онъ и самъ сегодня же станетъ «либераломъ» и «прогресистомъ», ежели это окажется *выгоднымъ*.

Если «Нов. Телегр.» вамъ скажетъ, что онъ врывается во внутреннее убѣжденіе суда народной совѣсти не по принципу, а потому-что это учрежденіе «либеральное» и «прогрессивное», а главное потому, что съ психіатромъ нужно было кое какіе счеты свести, то вы ему вѣрьте.

Если «Нов. Телегр.» скажетъ вамъ, что онъ грязнилъ и клеймилъ всячески весь русскій мировой институтъ и требовалъ полицейскаго надзора за нимъ не по убѣжденію, а потому-что одесскіе судьи ненравились редакц и, то вы ему вѣрьте.

Если «Нов. Телегр.» скажетъ вамъ, что онъ не консерваторъ, не реакціонеръ, не охранитель и не юдофобъ.. а простой торговецъ печатнымъ словомъ, то вы ему тоже вѣрьте.

Если, наконецъ, «Нов. Телегр.» скажетъ вамъ, что онъ органъ *неполитическій*, *неэкономическій* и *нелитературный*, а *органъ Озмидова*, лично *Озмидова*, его личныхъ страстей, его личныхъ симпатій, антипатій, міровоззрѣній и *интересовъ*, главное *интересовъ*, то вѣрьте, тысячу разъ вѣрьте, ибо «Нов. Телегр.» дѣйствительно только *органъ* Озмидова.

Да и какая тутъ можетъ быть рѣчь о какой-то тамъ «экономіи» и «литературѣ», когда дѣло ведется на чисто коммерческихъ началахъ, стало быть и «политика» тоже чисто *коммерческая*; отсюда понятно то, что «Нов. Телегр.», силою обстоятельствъ, долженъ быть органомъ *лицъ*, личностей вообще, а редактора по преимуществу. Такъ оно и есть. Вдумайтесь хорошенько и вы увидите, что «Нов. Телег.» весь поглощенъ личными редактора интересами, интересами его кухни, конюшни, кабинета, типографіи и....

Кто же непомнитъ той жаркой поллемики, которая возгорѣлась было на столбцахъ «Нов. Телегр.» между дамой кафешантана г-жей Штамъ и редакторомъ названной газеты?..

Но эта полемика сама по себѣ такъ интересна и такъ пикантна, что я не могу не напомнить о ней читателю.

Дѣло, какъ извѣстно, завязалось изъ-за скандальной замѣтки, появившейся въ «Нов. Телегр.», въ которой, какъ помнится, «газета политическая, экономическая и литературная» оповѣщала своихъ читателей, что кафешантанная дама г-жа Штамъ приглашаетъ, желающихъ имѣть билетъ на ея бенефисъ, къ себѣ въ уборную. Неправда-ли, интересно? Г-жа Штамъ объяснила эту выходку газеты противъ ея чести личною местью редактора, который приглашалъ ее ѣхать съ нимъ ужинать и «получилъ носъ», какъ выразилась эта дама.

Но не въ томъ дѣло. Вся мораль этой клубничной басни заключается въ томъ, что въ 1645 № той же «политической, экономической и литературной газеты» появилась цѣлая статья отъ имени редакціи, въ которой редакція посвящаетъ своихъ читателей во всѣ детали этой *неполитической*, *неэкономической* и ужь во всякомъ случаѣ *нелитературной* исторіи. Тамъ, въ названной статьѣ, раз-

сказывается подробно все. А изъ этого разсказа слѣдуетъ, что не редакторъ «Нов. Телегр.» соблазнялъ г-жу Штамъ, а напротивъ, г-жа Штамъ соблазняла редактора «Нов. Телег.», приглашая его черезъ посредство одного изъ сотрудниковъ названной газеты (хорошее посредничество для литератора) ужинать, и что редакторъ подъ какимъ-то предлогомъ избѣгъ соблазна, избѣгъ не потому, что онъ не ужинаетъ съ женщинами. О, нѣтъ, ужинаетъ, очемъ онъ тутъ-же печатно заявляетъ, а потому-что ему г-жа Штамъ не по вкусу пришлась. Такъ прямо онъ и сознается.

«Если, говорится въ заключеніи названной статьи, принять во вниманіе, что редакторъ «Нов. Телегр.» любитъ женщинъ только полненькихъ, пухленькихъ и кругленькихъ; если, затѣмъ, принять во вниманіе, что г-жа Штамъ худая, тощая и болѣзненная, то...

Нѣтъ! Бога ради, читатель, увольте, ибо ужь очень грязно!...

Вы спросите, за чѣмъ же я занимаюсь этой грязью?

А за тѣмъ, отвѣчу я, что это грязь *не моя*, а *ваша*!

Нуда, ваша! Вы ее накопили, создали, создаете и поддерживаете! Вы даете ей жизнь и силу рости, крѣпнуть и умножаться! Такъ ужь вы на себя и пеняйте! Я тутъ непричемъ. Я только собралъ всю эту грязь, ибо она была разбросана на слишкомъ большомъ пространствѣ времени и мѣста, по этому-то вы проходили и проходите по ней ежедневно и не ощущали или не хотѣли ее ощущать

Я собралъ ее и если у васъ сохранилась хоть капелька нравственнаго чутья, то отвернитесь и грязь сама собою исчезнетъ...

Впрочемъ, какъ знаете. Въ одномъ только я могу увѣрить моихъ читателей, что трудъ мой предпринятъ мною безъ всякой личной злобы къ кому бы то ни было, а къ грязи тѣмъ менѣе, Виноваты вѣдь тѣ, кто ее создаетъ и поддерживаетъ! Стало быть и злобу я могу питать только къ читающей публикѣ. Я ее и питаю, сознаюсь, и вовсѣ въ этомъ не каюсь...

YC 102791

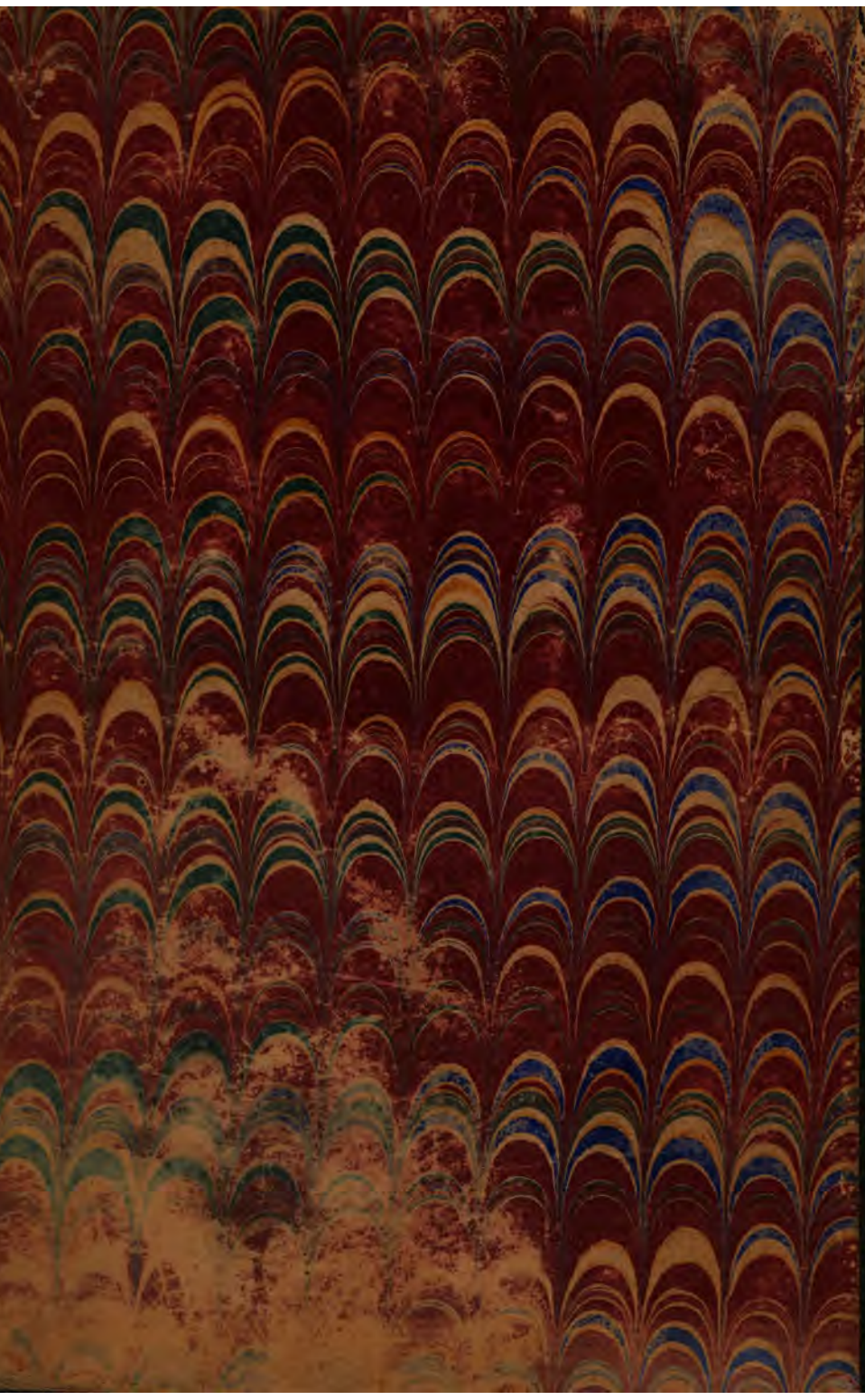
RETURN TO: CIRCULATION DEPARTMENT
198 Main Stacks

LOAN PERIOD Home Use	1	2	3
	4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS.
Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.
Books may be renewed by calling 642-3405.

DUE AS STAMPED BELOW.

AUG 17 2005		

FORM NO. DD6
50M 4-04

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
California 94720–6000